

КонсультантПлюс
надежная правовая поддержка

Постановление ЕСПЧ от 17.07.2014
Дело "Свинаренко и Сляднев (Svinarenko and Slyadnev) против Российской Федерации"
(жалобы N 32541/08, 43441/08)

По делу обжалуется жалоба заявителей на содержание их в зале судебных заседаний в металлической клетке. По делу допущено нарушение статьи 3 и пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Документ предоставлен **КонсультантПлюс**

www.consultant.ru

Дата сохранения: 25.09.2016

**Свинаренко и Сляднев против Российской Федерации
(Svinarenko and Slyadnev v. Russia)
(жалобы N 32541/08 и 43441/08)**

АННОТАЦИЯ ДЕЛА

Заявители, Александр Свинаренко и Валентин Сляднев, являются гражданами Российской Федерации, 1968 и 1970 годов рождения соответственно, которые проживают в поселке Синегорье Ягоднинского района Магаданской области.

Оба заявителя были обвинены в ноябре 2002 года и январе 2003 года соответственно в насильственных преступлениях, включая грабеж. В марте 2009 года Свинаренко был окончательно оправдан по всем выдвинутым против него обвинениям, а Сляднев был признан виновным в самоуправстве с применением насилия и приговорен к двум годам и десяти месяцам лишения свободы. Во время судебных слушаний заявители содержались на скамье, окруженной металлической клеткой.

Со ссылкой на [статью 3](#) Конвенции (запрет пытки и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения) заявители утверждали, что практика содержания их в металлической клетке во время слушаний составляла унижающее достоинство обращение. Они также жаловались в соответствии с [пунктом 1 статьи 6](#) Конвенции (право на справедливое судебное разбирательство в разумный срок) на чрезмерную длительность уголовного разбирательства против них.

Постановлением Палаты от 11 декабря 2012 г. Европейский Суд единогласно установил, что имело место нарушение [статьи 3](#) Конвенции и [пункта 1 статьи 6](#) Конвенции. 29 апреля 2013 г. дело было передано в Большую Палату Европейского Суда по требованию государства-ответчика - властей Российской Федерации.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

**ДЕЛО "СВИНАРЕНКО И СЛЯДНЕВ (SVINARENKO AND SLYADNEV)
ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" <1>
(Жалобы N 32541/08 и 43441/08)**

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ <2>
(существо жалобы)**

(Страсбург, 17 июля 2014 г.)

<1> Перевод с английского О.Л. Ветровой и Г.А. Николаева.

<2> Настоящее Постановление вступило в силу 17 июля 2014 г. в соответствии с положениями [пункта 2 статьи 44](#) Конвенции (примеч. редактора).

Настоящее Постановление является окончательным, но может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу "Свинаренко и Сляднев против Российской Федерации" Европейский Суд по правам человека, заседая Большой Палатой в составе:

Дина Шпильманна, Председателя Большой Палаты,
Йозепа Касадеваля,
Гвидо Раймонди,
Инеты Зиемеле,
Марка Виллигера,

Пэра Лоренсена,
Боштьяна М. Цупанчича,
Дануте Йочиене,
Яна Шикуты,
Георга Николау,
Луиса Лопеса Герры,
Винсента А. Де Газтано,
Линоса-Александра Сисилианоса,
Хелен Келлер,
Хелены Едерблом,
Йоханнеса Силвиса,
Дмитрия Дедова, судей,
а также Майкла О'Бойла, заместителя Секретаря Суда,
заседаая за закрытыми дверями 18 сентября 2013 г. и 11 июня 2014 г.,
вынес следующее Постановление в последнюю указанную дату:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано двумя жалобами (N 32541/08 и 43441/08), поданными против Российской Федерации в Европейский Суд по правам человека (далее - Европейский Суд) в соответствии со [статьей 34](#) Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция) двумя гражданами Российской Федерации: Александром Сергеевичем Свиначенко и Валентином Алексеевичем Слядневым (далее - заявители), - 5 мая и 2 июля 2008 г. соответственно.

2. Заявители, в частности, утверждали, что их содержание в "металлической клетке" <3> в зале судебного заседания составляло унижающее достоинство обращение, запрещенное [статьей 3](#) Конвенции, и что длительность уголовного разбирательства против них была чрезмерной в нарушение [пункта 1 статьи 6](#) Конвенции.

<3> Использованное заявителями выражение "клетка" Европейский Суд нашел для себя обязательным, хотя, как видно из дальнейшего изложения, в юридической литературе Российской Федерации оно не употребляется (примеч. переводчика).

3. Жалобы были переданы в Первую Секцию Европейского Суда ([пункт 1 правила 52](#) Регламента Суда). 11 декабря 2012 г. Палата этой Секции вынесла Постановление. Палата решила объединить жалобы в одно производство ([пункт 1 правила 42](#)), признала жалобы в части содержания заявителей в "металлической клетке" и длительности разбирательства против них приемлемыми, а в остальной части - неприемлемыми и единогласно установила, что имели место нарушения требований [статьи 3](#) и [пункта 1 статьи 6](#) Конвенции. В состав Палаты входили следующие судьи: Изабель Берро-Лефевр, Председатель Палаты, Элизабет Штейнер, Нина Ваич, Анатолий Ковлер, Ханлар Гаджиев, Мирьяна Лазарова Трайковская и Юлия Лафранк, а также Андре Вампаш, заместитель Секретаря Секции Суда. 7 марта 2013 г. власти Российской Федерации ходатайствовали о передаче дела на рассмотрение Большой Палаты в соответствии со [статьей 43](#) Конвенции, и комитет Большой Палаты удовлетворил ходатайство 29 апреля 2013 г.

4. Состав Палаты был определен в соответствии с положениями [пунктов 4 и 5 статьи 26](#) Конвенции и [правила 24](#) Регламента Суда.

5. Заявители и власти Российской Федерации подали дополнительные письменные объяснения ([пункт 1 правила 59](#)) по существу жалобы.

6. Открытое слушание состоялось во Дворце прав человека в Страсбурге 18 сентября 2013 г. ([пункт 3 правила 59](#) Регламента Суда).

В Европейский Суд явились:

(а) Власти Российской Федерации:

Г.О. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека - агент,

Н. Михайлов,

П. Смирнов,

О. Очеретяная, советники;

(b) заявители:

В. Пальчинский, представитель Свинарченко, адвокат,

Е. Плотников,

В. Тайсаева, представители Сляднева, адвокаты.

Европейский Суд заслушал речи В. Пальчинского, Е. Плотникова, В. Тайсаевой и Г.О. Матюшкина.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. Заявители родились в 1968 и 1970 годах соответственно. Первый заявитель, Свинарченко, в настоящее время отбывает срок лишения свободы в Мурманской области. Второй заявитель, Слядnev, проживает в поселке Синегорье Ягоднинского района Магаданской области.

А. Предварительное следствие

8. В 2002 году Следственный комитет при Главном управлении Министерства внутренних дел Российской Федерации по Дальневосточному федеральному округу возбудил несколько уголовных дел против Гришина.

9. 24 сентября 2002 г. первый заявитель был допрошен в качестве одного из подозреваемых по этому делу. 9 октября 2002 г. он был задержан. В постановлении о его заключении под стражу от 12 ноября 2002 г. Магаданский городской суд отметил, что преступления, в которых он обвиняется, были совершены в период трехлетнего испытательного срока, назначенного ему приговором Ягоднинского районного суда Магаданской области от 13 апреля 2001 г., который признал его виновным в краже и приговорил к пяти годам лишения свободы условно. Он также отметил, что на него представлены отрицательные характеристики с места его жительства и что он нарушил подписку о явке в следственный орган. Согласно окончательному обвинению против первого заявителя он совершил ограбление с применением насилия в отношении А.С. и Т.С. в сентябре 2002 года в качестве члена банды, руководимой Гришиным, и незаконные приобретение, хранение, перевозку и ношение боеприпасов.

10. 20 января 2003 г. второй заявитель, который отбывал наказание в виде лишения свободы после вынесенного ему приговора 26 июля 2002 г. Ягоднинским районным судом Магаданской области за причинение смерти по неосторожности в соответствии с [частью третьей статьи 109](#) Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ), был допрошен в качестве одного из подозреваемых по делу, возбужденному против Гришина. 22 января 2003 г. он был обвинен в следующих преступлениях:

(i) создание вооруженной банды под руководством Гришина и участие в нападениях банды на граждан с октября 2001 года по сентябрь 2002 года - в соответствии с [частью первой статьи 209](#) УК РФ;

(ii) разбойное нападение в октябре 2001 года на В.Б., директора частной золотоперерабатывающей компании, с применением оружия и насилия, угрожающего жизни и здоровью, и угрозой применения такого насилия, организованной группой с целью хищения чужого имущества в крупном размере - в соответствии с [частью третьей статьи 162](#) УК РФ;

(iii) незаконное хранение и перевозка драгоценных металлов (предположительно незаконно присвоенного промышленного золота, принадлежавшего В.Б.) в крупном размере организованной группой в октябре 2001 года - в соответствии с [частью второй статьи 191](#) УК РФ;

(iv) вымогательство (в отношении В.Б.) в октябре 2001 года с целью получения права на имущество под угрозой применения насилия, организованной группой - в соответствии с [частью третьей статьи 163](#) УК РФ;

(v) разбойное нападение на Я.Б. в октябре 2001 года с применением оружия и насилия, опасного для жизни и здоровья людей, и угрозой применения такого насилия, группой лиц по предварительному сговору, посредством незаконного проникновения в жилище с целью хищения чужого имущества в крупном размере - в соответствии с [частью третьей статьи 162](#) УК РФ;

(vi) незаконные приобретение, хранение, передача, перевозка и ношение огнестрельного оружия организованной группой в октябре 2001 года - в соответствии с [частью третьей статьи 222](#) УК РФ.

11. 11 апреля 2003 г. Хасынский районный суд Магаданской области решил, что второй заявитель в связи с его хорошим поведением и положительными характеристиками имеет право на условно-досрочное освобождение на один год и три месяца раньше назначенного ему срока отбывания наказания в размере двух лет и трех месяцев, к которому он был приговорен Ягоднинским районным судом 26 июля 2002 г.

12. 24 апреля 2003 г. Магаданский городской суд заключил второго заявителя под стражу на время уголовного разбирательства, рассматриваемого в настоящем деле. Он отметил, в частности, что он обвиняется в тяжких преступлениях, которые были совершены во время трехлетнего испытательного срока, назначенного ему приговором Ягоднинского районного суда от 15 июня 2001 г., который признал его виновным в хулиганстве и умышленном причинении тяжкого вреда здоровью и приговорил его к четырем годам лишения свободы условно.

13. 20 мая 2003 г. расследование было завершено, и защита получила доступ к материалам дела.

14. 13 августа 2003 г. Магаданский городской суд решил, что второй заявитель умышленно затягивает разбирательство, и установил предельный срок для ознакомления с делом до 5 сентября 2003 г.

В. Судебное разбирательство

1. Первое разбирательство

15. 19 сентября 2003 г. дело было направлено на рассмотрение в Магаданский областной суд, который с 16 октября по 26 декабря 2003 г. провел предварительное слушание, чтобы рассмотреть многочисленные ходатайства заявителей и их двух сообвиняемых в отношении допустимости доказательств и по другим процессуальным вопросам, а также чтобы подготовить по требованию подсудимых коллегию присяжных. В течение этого периода по ходатайству соподсудимых рассмотрение было отложено на четыре недели.

16. В результате предварительного слушания 26 декабря 2003 г. Магаданский областной суд решил, что дело будет рассмотрено в открытом заседании коллегией присяжных 23 января 2004 г. В этот день в суд явились менее 20 кандидатов в присяжные заседатели вместо 50 приглашенных, и в связи с этим суд распорядился о вызове еще 100 кандидатов в присяжные.

17. 13 февраля 2004 г. коллегия присяжных была сформирована, и ее члены были приведены к присяге.

18. Магаданский областной суд провел около 30 заседаний, в ходе которых были приняты решения по различным процессуальным вопросам, таким как замена ряда присяжных, исключение или рассмотрение некоторых доказательств и назначение экспертизы. Он рассмотрел доказательства, включая показания потерпевших, свидетелей и экспертов, и заслушал обвиняемых. Разбирательство было отложено на две недели, поскольку один из адвокатов защиты не смог присутствовать.

19. 15 июня 2004 г. прокуратура изменила одно из обвинений в разбое против второго заявителя (в отношении Я.Б.) на предусматривающее более мягкое наказание: "самоуправство" с применением силы в соответствии с [частью второй статьи 330 УК РФ](#).

20. 22 июня 2004 г. суд присяжных признал заявителей невиновными. Они были освобождены в зале суда. 29 июня 2004 г. Магаданский областной суд вынес оправдательный приговор и признал их право на реабилитацию.

21. Обвиняемые и сторона обвинения обжаловали приговор суда первой инстанции. 7 декабря 2004 г. Верховный Суд Российской Федерации рассмотрел дело по жалобе и отменил приговор на том основании, что, в частности, некоторые присяжные скрыли информацию о судимости членов их семей, хотя они были обязаны довести эту информацию до сведения сторон и суда во время их отбора, и что председательствующий судья не суммировал все доказательства в своем обращении к суду присяжных и не подвел итог показаниям потерпевших и свидетелей. Верховный Суд Российской Федерации возвратил дело на новое рассмотрение в Магаданский областной суд.

2. Повторное рассмотрение дела

22. 21 декабря 2004 г. дело поступило в Магаданский областной суд. Он дважды откладывал слушания, 31 января и 7 февраля 2005 г., в связи с неявкой адвоката второго заявителя.

23. В постановлении от 8 февраля 2005 г. Магаданский областной суд возложил на обвиняемых обязательство не покидать места жительства с целью явки в суд по вызову и не препятствовать разбирательству.

24. Определение областного суда от той же даты о возвращении дела в Магаданскую областную прокуратуру для исправления ошибок в обвинительном заключении было обжаловано стороной защиты и отменено как ошибочное Верховным Судом Российской Федерации 26 апреля 2005 г.

25. Слушание в Магаданском областном суде был отложено 17 июня 2005 г. в связи с неявкой в суд

первого заявителя и обвиняемого по неизвестным причинам. Оно было вновь отложено 21 июня 2005 г. в связи с госпитализацией обвиняемого и невозможностью рассмотрения дела в отношении других в отдельном производстве.

26. Разбирательство было возобновлено 22 ноября 2005 г. Однако в этот день вместо 30 приглашенных в суд явились менее 20 кандидатов в присяжные, и суд, соответственно, распорядился вызвать еще 100 кандидатов в присяжные.

27. 6 декабря 2005 г. Магаданский областной суд постановил, что заявители и двое других подсудимых должны содержаться под стражей. Он отметил прежние судимости заявителей, серьезность обвинений, выдвинутых против них, и тот факт, что во время предварительного следствия и настоящего разбирательства некоторые из потерпевших и свидетелей выразили опасения в отношении незаконного поведения подсудимых. В постановлении он не привел подробностей, касающихся опасений, о которых он упомянул, или имен этих подсудимых. Жалобы заявителей на постановление о содержании под стражей были отклонены Верховным Судом Российской Федерации в определении от 22 февраля 2006 г. Поддержав постановление Магаданского областного суда о заключении под стражу, Верховный Суд Российской Федерации отметил, что один из потерпевших, Я.Б., просил рассмотреть дело без его участия, поскольку он боялся давать показания в открытом судебном заседании. Это опасение, по мнению Верховного Суда Российской Федерации, составило достаточное основание, чтобы считать, что обвиняемые не отвечают условию не препятствовать разбирательству, чтобы они могли оставаться на свободе в соответствии с ранее избранной им мерой пресечения в виде подписки о невыезде. Содержание под стражей заявителей впоследствии было продлено по этим же причинам.

28. 9 декабря 2005 г. коллегия присяжных была сформирована и приведена к присяге, и суд провел слушания 12, 20 и 23 декабря 2005 г. В последнюю упомянутую дату одному из обвиняемых было дано разрешение на привлечение нового адвоката. 27 декабря его новый адвокат не явился, и слушание было отложено до 10 января 2006 г., поскольку 1 - 9 января были нерабочими днями. Областной суд продолжил рассмотрение дела в январе 2006 года. Он рассмотрел многочисленные ходатайства защиты, в частности, в отношении замены председательствующего судьи и прокурора.

29. Поскольку свидетели и потерпевшие, которые жили в Синегорье, несколько раз не явились на слушания, 17 января 2006 г. суд распорядился доставить их под охраной. Слушания были отложены с 20 по 27 января и с 26 февраля по 10 марта 2006 г., в ожидании исполнения этого распоряжения.

30. Разбирательство по делу продолжалось в феврале - мае 2006 года. На протяжении этого времени слушания несколько раз откладывались в целом на срок примерно четыре недели по просьбам присяжных, которые не могли принять участие в слушании, и приблизительно на неделю по просьбе одного из адвокатов подсудимых, который был болен. 2 июня 2006 г. председательствующий судья объявил, что исследование доказательств закончено. Пять заседаний областного суда в июне 2006 года были посвящены слушанию устных прений сторон. Магаданский областной суд объявил перерыв с 14 июля до 3 октября 2006 г. в связи с тем, что несколько присяжных уезжали на летний отдых в Центральную Россию.

31. Разбирательство возобновилось 3 октября 2006 г. После консультаций со сторонами суд решил, что они повторят свои устные прения. Они сделали это 6, 12 и 19 октября и 2 ноября 2006 г. Затем последовала подготовка вопросов, которые будут представлены присяжным заседателям. Присяжные вынесли свой вердикт 17 ноября 2006 г. Первый заявитель был признан невиновным и освобожден в зале суда.

32. 5 декабря 2006 г., после рассмотрения правовых вопросов во время слушаний, проведенных в ноябре и декабре 2006 года, Магаданский областной суд вынес приговор. Первый заявитель был оправдан с признанием его права на реабилитацию. Второй заявитель был признан виновным в вымогательстве (в отношении В.Б.) и "самоуправстве" с применением насилия (в отношении Я.Б.) и приговорен к семи годам лишения свободы (с учетом обвинительного приговора, вынесенного против него в 2001 году, в отношении которого было отменено условное осуждение). По остальным обвинениям он был оправдан. Его содержание под стражей было продлено до вступления приговора в силу.

33. 6 июня 2007 г. Верховный Суд Российской Федерации рассмотрел жалобы на приговор обвиняемых, одного из потерпевших и стороны обвинения. Было установлено, что обвиняемые и их адвокаты нарушили правила уголовного процесса, злоупотребляя своими правами, а именно обсуждая в присутствии присяжных заседателей, несмотря на предупреждения председательствующего судьи, вопросы, которые выходили за рамки компетенции присяжных заседателей. Они также делали замечания, не касающиеся вопросов, которые подлежали разрешению судом присяжных, и направленные на дискредитацию доказательств против них, тем самым создавая отрицательное впечатление о потерпевших и председательствующем судье и положительное в отношении самих себя. Верховный Суд Российской Федерации

Федерации постановил, что это составляло незаконное влияние на вердикт суда присяжных. Он также отметил, что вердикт суда присяжных не был вполне понятен, поскольку некоторые ответы на вопросы, поставленные перед ними, были противоречивыми. Верховный Суд Российской Федерации отменил приговор и направил дело в Магаданский областной суд на новое рассмотрение. Он также постановил, что второй заявитель должен оставаться под стражей.

34. В августе 2007 года первый заявитель содержался под стражей в следственном изоляторе в связи с несвязанным уголовным разбирательством, возбужденном против него по подозрению в вымогательстве, предположительно совершенном им в 2002 году.

3. Третье рассмотрение дела

35. 4 сентября 2007 г. Магаданский областной суд получил дело и начал разбирательство. 5 октября 2007 г. вместо 100 приглашенных в суд явились менее 20 кандидатов в присяжные, и в связи с этим суд распорядился вызвать еще 150 кандидатов в присяжные.

36. 2 ноября 2007 г. отбор в состав коллегии присяжных заседателей начался. Однако после того, как несколько кандидатов в присяжные отказались от участия в составе суда присяжных, их количество было недостаточным, и суд распорядился вызвать еще 150 кандидатов в присяжные заседатели. Такая же ситуация сложилась и 22 ноября 2007 г.

37. Количество кандидатов в присяжные, которые явились в областной суд, вновь было недостаточным 11 декабря 2007 г. и 17 января 2008 г., что сделало необходимым вызвать еще 200 и 250 человек соответственно.

38. Коллегия присяжных заседателей, состоящая из 12 присяжных заседателей и двух запасных присяжных, была сформирована 5 февраля 2008 г. из 34 кандидатов в присяжные заседатели, которые явились в суд, и разбирательство началось. Суд проводил по пять или шесть слушаний ежемесячно с февраля по июнь 2008 года, два слушания в июле, четыре - в августе (после перерыва на летние отпуска присяжных заседателей с 1 июля по 18 августа), 11 - в сентябре, 6 - в октябре, 10 - в ноябре и четыре - в декабре 2008 года. Ряд слушаний суд провел без участия коллегии присяжных, поскольку эти слушания касались рассмотрения различных процессуальных вопросов, включая допустимость доказательств и ходатайств о рассмотрении доказательств перед судом присяжных. Суд рассмотрел огромное количество доказательств, включая показания более чем 70 потерпевших и свидетелей и многочисленные экспертные заключения.

39. Разбирательство было отложено почти на месяц в связи с болезнью обвиняемого. Некоторая задержка была вызвана трудностями в обеспечении явки некоторых из потерпевших и свидетелей, которые проживали в отдаленных населенных пунктах, в Бурхале и Синегорье, или тех, кто переехал в центральные и другие районы страны.

40. 13 февраля 2009 г. Магаданский областной суд начал слушание устных прений сторон.

41. 7 марта 2009 г. суд присяжных вынес вердикт о невиновности в отношении первого заявителя. Он признал второго заявителя виновным в "самоуправстве" и невиновным по остальным обвинениям.

42. 12 марта 2009 г. Магаданский областной суд вынес решение об освобождении второго заявителя под подписку о невыезде и с условием, обязывающем его вести себя законопослушно.

43. 19 марта 2009 г. Магаданский областной суд вынес приговор, оправдав первого заявителя и установив в отношении второго заявителя, что 11 октября 2001 г. он, Гришин и Н.Г. (против которого уголовное разбирательство было прекращено в связи с его смертью) потребовали от Я.Б. возратить долг в размере 100 000 рублей. После отказа Я.Б. Гришин и Н.Г. избили его, второй заявитель избил С.К., который являлся свидетелем избиения Я.Б., затем они поехали с Я.Б. к нему домой и забрали у него деньги в размере 247 000 рублей.

44. Магаданский областной суд отметил, что в материалах дела имелись противоречивые отзывы о втором заявителе, который характеризовался отрицательно местной администрацией и участковым уполномоченным милиции по месту его жительства и положительно - администрацией следственного изолятора, в котором он содержался под стражей, и администрацией тюрьмы, в которой он отбывал наказание после осуждения.

45. Магаданский областной суд вынес обвинительный приговор второму заявителю в соответствии с [частью второй статьи 330 УК РФ](#) о "самоуправстве" с применением насилия и приговорил его к двум годам и 10 месяцам лишения свободы, отменил условное наказание по приговору 2001 года, поскольку новое преступление было совершено во время испытательного срока, и после добавления отмененного условного наказания приговорил его в общей сложности к четырем годам и пяти месяцам лишения свободы. В то же

время Магаданский областной суд освободил его от отбытия наказания в части, относящейся к осуждению в соответствии с [частью 2 статьи 330 УК РФ](#), поскольку срок давности за соответствующее преступление истек, и установил, что он отбыл наказание в оставшейся части в связи с его содержанием под стражей в период с 24 апреля 2003 г. по 22 июня 2004 г. и с 6 декабря 2005 г. по 12 марта 2009 г., который составил в общей сложности четыре года, пять месяцев и шесть дней. Суд оправдал его по остальным пунктам обвинения.

46. По состоянию на 19 марта 2009 г. первый заявитель находился под стражей в связи с несвязанным возбужденным против него уголовным делом (см. [§ 34](#) настоящего Постановления).

47. 23 июля 2009 г. Верховный Суд Российской Федерации отклонил жалобы обвиняемых и стороны обвинения и оставил приговор без изменения.

С. Условия содержания в суде

48. Во время содержания заявителей под стражей они доставлялись в Магаданский областной суд милицейским конвоем. В ходе слушаний они сидели на скамейке, огороженной со всех сторон металлическими прутьями диаметром 10 мм. Ограждение имело в длину 255 см, в ширину 150 см и в высоту 225 см, с потолком из стальной сетки и дверями, также сделанными из металлических прутьев. Расстояние между металлическими прутьями составляло 19 см.

49. Вооруженные милицейские конвоиры оставались рядом с клеткой со скамьей подсудимых. Рядом с одним подсудимым всегда находились два конвоира - в общей сложности восемь милиционеров в течение первого и второго разбирательств и шесть конвойных для заявителей и одного соподсудимого во время третьего судебного разбирательства.

Д. Разбирательство о компенсации

50. После того, как оправдательный приговор в отношении первого заявителя вступил в силу, он возбудил дело против государства в связи с ущербом, причиненным ему в результате производства по уголовному делу против него.

51. 23 октября 2009 г. Магаданский областной суд присудил ему сумму в размере 18 569 рублей в качестве компенсации материального ущерба, которая представляла собой пособие по безработице, не выплаченное в результате его содержания под стражей. 17 декабря 2009 г. Верховный Суд Российской Федерации оставил решение областного суда без изменения.

52. 1 марта 2010 г. Магаданский городской суд присудил первому заявителю 50 000 рублей в качестве компенсации морального вреда, причиненного ему в результате уголовного разбирательства, подписки о невыезде и содержания под стражей с 9 октября 2002 г. до момента его освобождения, последовавшего после оправдательного вердикта, вынесенного судом присяжных 22 июня 2004 г. и с 6 декабря 2005 г. по 17 ноября 2006 г. Заявитель обжаловал решение, утверждая, в частности, что сумма присужденной ему компенсации не является справедливой или разумной. 30 марта 2010 г. Магаданский областной суд отклонил жалобу заявителя и оставил решение городского суда без изменения.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

А. Запрет унижающего достоинства обращения

53. [Статья 21](#) Конституции Российской Федерации в соответствующей части предусматривает следующее:

"1. Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления.

2. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию...".

54. [Статья 9](#) Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ), в частности, запрещает унижающее достоинство обращение с участниками уголовного судопроизводства.

В. Металлические клетки в залах судебных заседаний

1. Письмо Министерства юстиции Российской Федерации,
Верховного Суда Российской Федерации
и Министерства внутренних дел Российской Федерации

55. Неопубликованное письмо от 3 февраля 1993 г., изданное совместно Министерством юстиции Российской Федерации (N 5-63-96), Верховным Судом Российской Федерации (N 11-нк/7) и Министерством внутренних дел Российской Федерации (N 1/483), содержало "предложения по созданию надлежащих условий для рассмотрения судами уголовных дел и безопасности участников уголовного судопроизводства и конвойных внутренних войск и милиции при исполнении ими обязанностей". Оно предлагало председателям судов общей юрисдикции "обеспечить до 1 января 1994 г. оборудование всех залов судебных заседаний специальными фиксированными металлическими заграждениями, отделяющими подсудимых по уголовным делам от состава суда и посетителей, прибывших на слушание". Оно также обязывало конвойных помещать за эти "заграждения" всех подсудимых, содержащихся под стражей.

2. Приказы Министерства внутренних дел

(а) Приказ 1996 года

56. Наставление по содержанию, охране и конвоированию подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, предварительно одобренное Верховным Судом Российской Федерации, Министерством юстиции Российской Федерации и Генеральной прокуратурой Российской Федерации и утвержденное Министерством внутренних дел Российской Федерации 26 января 1996 г. приказом N 41 (дсп) "для служебного пользования", предусматривало размещение обвиняемых в зале судебных заседаний за металлическим "заграждением".

(b) Приказ 2006 года

57. Подобная норма содержалась в Наставлении по служебной деятельности изоляторов временного содержания и подразделений охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых, предварительно одобренном Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации 8 февраля 2006 г. (N СД-АГ/269) и Генеральной прокуратурой Российской Федерации 16 февраля 2006 г. (N 16-13-06) и утвержденном 7 марта 2006 г. приказом N 140 (дсп) "для служебного пользования" Министерства внутренних дел Российской Федерации. Согласно последнему наставлению доставление подозреваемых и обвиняемых в залы судебных заседаний, которые не оборудованы "защитным ограждением", запрещено.

(с) Проверка приказов Верховным Судом Российской Федерации

58. Ш. обжаловал в Верховный Суд Российской Федерации приказ N 41 на том основании, что положение последнего о содержании подсудимых за металлическим "заграждением" во время судебного разбирательства нарушает законодательство страны и [Конвенцию](#), запрещающие унижающее достоинство обращение и гарантирующие право на справедливое судебное разбирательство. Он жаловался на то, что содержался в металлической клетке в зале судебных заседаний во время судебного разбирательства по своему делу, и это делало невозможным его общение с адвокатом.

59. Решением от 19 октября 2004 г. Верховный Суд Российской Федерации в составе одного судьи отметил, что оспариваемая норма затрагивает лиц, заключенных под стражу судебным постановлением согласно требованиям [УПК РФ](#), и милиция в соответствии с поставленными перед ней задачами обязана охранять, конвоировать и содержать заключенных под стражу, доставлять их в здание суда из изоляторов ([пункт 16 статьи 10](#) Закона Российской Федерации "О милиции"). Верховный Суд Российской Федерации напомнил, что содержание под стражей осуществляется в соответствии с принципами законности, справедливости, презумпции невиновности, равенства всех граждан перед законом, гуманизма, уважения человеческого достоинства, в соответствии с [Конституцией](#) Российской Федерации, принципами и нормами международного права, а также международными договорами Российской Федерации. Кроме того, такое содержание не должно сопровождаться пытками, иными действиями, имеющими целью причинение физических или нравственных страданий подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений, содержащимся под стражей (Федеральный закон "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений"). С учетом вышеизложенного Верховный Суд Российской Федерации

Федерации решил, что положение приказа о содержании подсудимых за металлическим "заграждением" не может расцениваться как унижающее честь и достоинство личности и нарушающее права человека на справедливое публичное разбирательство уголовного дела.

60. Ш. обжаловал решение Верховного Суда Российской Федерации, утверждая, в частности, что решение не было мотивированным. 23 декабря 2004 г. кассационная коллегия Верховного Суда Российской Федерации в составе трех судей отклонила его жалобу и полностью поддержала выводы суда первой инстанции. Она отметила, что оспариваемый приказ не устанавливал характеристик металлического "заграждения".

61. Жалобы, оспаривавшие законность обоих приказов (1996 и 2006 годов, см. §§ 56 и 57 настоящего Постановления) на основании отсутствия их официальной публикации, были отклонены Верховным Судом Российской Федерации, который указал, что приказы не подлежат публикации, поскольку содержат конфиденциальную информацию и зарегистрированы Министерством юстиции Российской Федерации (решение от 2 декабря 2002 г., оставленное без изменения кассационной коллегией Верховного Суда Российской Федерации 24 апреля 2003 г., в отношении приказа N 41, и решение от 7 декабря 2011 г. в отношении приказа N 140).

3. Строительные правила

(а) Правила в период судебного разбирательства по делу заявителей

62. 2 декабря 1999 г. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации утвердил приказом N 154 Строительные правила "Здания судов общей юрисдикции" (СП 31-104-2000) (далее - Правила). Правила были дополнительно одобрены Государственным комитетом Российской Федерации по строительству и жилищно-коммунальному комплексу и вступили в силу 1 августа 2000 г. Они были подготовлены группой специалистов, включая Председателя Верховного Суда Российской Федерации, Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и членов Совета судей Российской Федерации. Правила учли предложения, выдвинутые в совместном письме Министерства юстиции Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 3 февраля 1993 г. (см. § 55 настоящего Постановления).

63. Правила предусмотрели наличие подзоны для подсудимых в залах судебных заседаний по уголовным делам, огороженной с четырех сторон металлической заградительной решеткой, состоящей из металлических прутьев диаметром не менее 14 мм, высотой 220 см с потолком из стальной проволоки или распространяющихся до потолка зала судебных заседаний, имеющей дверь (пункты 5.4, 5.9 и 8.3 Правил).

64. В числе других мер безопасности Правила предусматривали доступ из камер подсудимых в здании суда в зал судебных заседаний через отдельные коридоры и лестницы и отдельный вход в зал судебных заседаний. При входе в здание суда и зал судебных заседаний по уголовным делам следует предусматривать место для установки металлообнаружителей. Оконные проемы зала судебных заседаний оборудуются решетками (пункты 5.11, 5.35, 8.1 и 8.2 Правил).

(b) Новые Правила

65. С 1 июля 2013 г. проекты и планировка зданий судов общей юрисдикции регулируются Правилами, подготовленными группой специалистов Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, архитектурных и строительных организаций и утвержденными <1> Федеральным агентством по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству 25 декабря 2012 г.

<1> Приказ N 111/ГС "Об утверждении свода" правил ""Здание судов общей юрисдикции Правила проектирование" (примеч. переводчика).

66. Новые Правила предусматривают два вида "защитных кабин" в залах судебных заседаний для лиц, содержащихся под стражей, а именно "защитная кабина" из металлических прутьев с теми же характеристиками, которые были установлены старыми Правилами (см. § 63 настоящего Постановления), и "изолирующая прозрачная защитная кабина", выполненная из стального каркаса и стен из пуленепробиваемого стекла. Обе кабины оборудуются дверьми, запираемыми снаружи.

С. Предварительное заключение

67. Согласно общей норме [статьи 108](#) УПК РФ суд может заключить под стражу лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, наказываемого более чем двумя годами лишения свободы (тремя годами лишения свободы с декабря 2012 года), если менее строгая мера пресечения, например, обязательство не покидать место жительства, личное поручительство или залог, не может быть применена. Подозреваемые или обвиняемые в совершении преступления, наказываемого меньшими сроками лишения свободы, также могут быть заключены под стражу в исключительных случаях, в частности, если они не имеют постоянного места жительства, их личность не установлена или если они нарушили ранее избранную меру пресечения или скрывались.

68. Суд должен рассмотреть вопрос о том, имеются ли достаточные основания полагать, что обвиняемый может скрыться, продолжить заниматься преступной деятельностью или воспрепятствовать разбирательству ([статья 97](#) УПК РФ). Другие обстоятельства, такие как тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий, также должны учитываться ([статья 99](#) УПК РФ).

69. Вследствие изменений УПК РФ, внесенных с декабря 2009 года по ноябрь 2012 года, лица, подозреваемые или обвиняемые в совершении некоторых ненасильственных преступлений против собственности и в сфере экономической деятельности, более не могут заключаться под стражу.

III. ПРИМЕНИМЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ПРАКТИКА

А. Комитет ООН по правам человека

70. На заседании 20 марта 2014 г., после рассмотрения сообщения N 1405/2005, представленного Михаилом Пустовойтом против Украины, Комитет ООН по правам человека принял Сообщение о том, что содержание Пустовойта в металлической клетке во время открытого судебного разбирательства, скованными наручниками за спиной руками, нарушило [статью 7](#) Международного пакта о гражданских и политических правах как таковую в части унижающего достоинства обращения по отношению к нему и во взаимосвязи с [пунктом 1 статьи 14](#) Пакта в части унижающего достоинства обращения, которое затронуло справедливость судебного разбирательства по его делу (пункты 9.3 и 10 Сообщения).

В. Стандартные минимальные правила ООН обращения с заключенными

71. Стандартные минимальные [правила](#) обращения с заключенными, принятые 1-м Конгрессом Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с преступниками, состоявшимся в Женеве в 1955 году, и утвержденные Экономическим и социальным советом в Резолюциях [663 С \(XXIV\)](#) от 31 июля 1957 г. и [2076 \(LXII\)](#) от 13 мая 1977 г., включают следующие руководящие принципы относительно средств усмирения:

"...[33](#). В качестве наказания никогда не следует пользоваться такими средствами усмирения, как наручники, кандалы, смирительные рубашки или цепи. Кроме того, кандалами и цепями вообще нельзя пользоваться как средством усмирения. Другими средствами усмирения можно пользоваться только в следующих случаях:

а) для предотвращения побегов во время транспортировки при условии, что заключенные освобождаются от пут, как только они предстают перед судебными или административными органами..."

С. Международные уголовные суды

72. Правила процедуры и доказывания Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (правило 83) и Международного уголовного трибунала по Руанде (правило 83) предусматривают, что средства усмирения, такие как наручники, могут использоваться в качестве меры предосторожности против побега при конвоировании или по соображениям безопасности, однако при доставлении обвиняемого в суд средства усмирения должны быть устранены.

73. [Статья 63](#) Римского статута Международного уголовного суда предусматривает следующее:

1. Обвиняемый присутствует на судебном разбирательстве.

2. Если обвиняемый, присутствующий в суде, продолжает нарушать ход судебного разбирательства,

Судебная палата может удалить обвиняемого и предоставляет ему возможность следить за ходом разбирательства и давать указания защитнику, находясь за пределами зала заседаний, с использованием, когда это необходимо, средств связи. Данные меры принимаются только в исключительных обстоятельствах после того, как иные разумные меры были признаны непригодными, и только в течение такого периода, который является строго необходимым...".

D. "Международная амнистия"

74. Руководство по обеспечению справедливого судебного разбирательства (Fair Trials Manual) организации "Международная амнистия" (Amnesty International) предусматривает следующее:

"...15.3. Процедуры, противоречащие презумпции невиновности

...Особое внимание следует уделять тому, чтобы обвиняемый не имел на себе никаких внешних признаков его виновности во время судебного процесса, что могло бы повлиять на презумпцию невиновности. К этим признакам могут относиться содержание обвиняемого в клетке в зале суда...".

E. Использование "металлической клетки" в залах судебных заседаний в государствах - участниках Совета Европы

75. "Металлическая клетка" использовалась в качестве обычной меры безопасности в отношении подозреваемых и обвиняемых, представших перед судом в период содержания под стражей, в ряде государств - участников Совета Европы, таких как Армения, Азербайджан, Грузия, Молдавия и Украина. Армения и Грузия прекратили ее использование (см. [Постановление Европейского Суда по делу "Ашот Харутюнян против Армении"](#) (Ashot Harutyunyan v. Armenia) от 15 июня 2010 г., жалоба N 34334/04, § 118, и Резолюцию Комитета министров Совета Европы CM/ResDH(2011)105). Молдавия и Украина движутся в этом направлении (см., что касается Украины, Переходные положения Уголовно-процессуального кодекса Украины 2012 года, особенно пункт 21 статьи XI, который предлагает Кабинету министров представить предложения парламенту для обеспечения финансирования замены "металлических заградительных клеток" <1> в залах судебных заседаний в судах общей юрисдикции на "заграждения из стекла или органического стекла"). В Азербайджане, хотя в некоторых судах "металлические клетки" были заменены "стеклянными перегородками" (см., например, раздел 3 "Развитие в секторе юстиции" отчета Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе о мониторинге судебных процессов в Азербайджане 2011 года), их продолжающееся использование предусмотрено Инструкцией Министерства юстиции Азербайджана от 29 декабря 2012 г. о порядке конвоирования арестованных и осужденных и Инструкции Министерства внутренних дел Азербайджана от 14 января 2013 г. о порядке охраны и конвоирования милицией лиц, содержащихся в изоляторах временного содержания.

<1> Точнее, "металлических заградений", отделяющих подсудимых от состава суда и присутствующих граждан (примеч. переводчика).

76. Некоторые другие государства-участники используют "клетки" по соображениям безопасности при некоторых обстоятельствах или в некоторых судах. Например, в суде тяжких преступлений в Албании обвиняемый может быть помещен в место, огражденное металлическими прутьями. Имеется один зал судебных заседаний в Сербии - в окружной (центральной) тюрьме г. Белграда, - используемый в качестве дополнительного зала судебных заседаний Высокого суда в г. Белграде, в котором имеется место, огражденное металлическими прутьями и пуленепробиваемым стеклом. Во Франции некоторые суды используют стеклянные кабины, которые в редких случаях усиливаются стальными тросами и используются по решению председательствующего судьи. В Латвии, хотя в некоторых судах до сих пор имеются металлические клетки, эта практика постепенно отмирает. В Италии металлические клетки, установленные в 1980-х годах для предполагаемых членов мафиозных или террористических групп, более не используются.

ПРАВО

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ВЛАСТЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

77. В своих объяснениях в Большой Палате Европейского Суда власти Российской Федерации утверждали, что первый заявитель не мог считаться жертвой предполагаемых нарушений [статьи 3](#) Конвенции (в части содержания в металлической клетке в зале судебных заседаний) и [статьи 6](#) Конвенции (в части длительности уголовного разбирательства против него), поскольку он был полностью оправдан и ему была присуждена компенсация в рамках последующего разбирательства о реабилитации (см. [§§ 50 - 52](#) настоящего Постановления).

78. Первый заявитель не согласился с ними, отметив, в частности, незначительный размер компенсации и отсутствие его связи с длительностью разбирательства. Он подчеркнул, что Федеральный закон от 30 апреля 2010 г., который предусмотрел возможность получения компенсации за нарушение права на разбирательство дела в разумный срок, вступил в силу после разбирательства о реабилитации.

79. Большая Палата Европейского Суда при необходимости не лишена права рассмотрения вопросов приемлемости жалобы в соответствии с [пунктом 4 статьи 35](#) Конвенции, поскольку это положение позволяет Европейскому Суду отклонять жалобы, которые он находит неприемлемыми, "на любой стадии разбирательства" (см. [Постановление](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Одьевр против Франции" (*Odievre v. France*), жалоба N 42326/98, § 22, ECHR 2003-III). Однако согласно [правилу 55](#) Регламента Суда любой довод о неприемлемости должен быть, насколько это допускают его характер и обстоятельства, выдвинут государством-ответчиком в письменных или устных объяснениях по вопросу о приемлемости жалобы, представленных в соответствии с [правилами 51](#) или [54](#), в зависимости от обстоятельств. Если в ходе разбирательства дела Европейским Судом возникает относимое с правовой точки зрения процессуальное событие, которое может повлиять на приемлемость жалобы, интересам надлежащего осуществления правосудия отвечает выдвижение Договаривающейся Стороной формального возражения без задержки (см. с необходимыми изменениями [Постановление](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "N.C. против Италии" (*N.C. v. Italy*), жалоба N 24952/94, § 45, ECHR 2002-X, и [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Лебедев против Российской Федерации" (*Lebedev v. Russia*) от 25 октября 2007 г., жалоба N 4493/04 [<1>](#), §§ 39 - 40).

<1> Опубликовано в специальном выпуске "Российская хроника Европейского Суда" N 2/2007.

80. В настоящем деле власти Российской Федерации не выдвинули такого возражения о неприемлемости в своих объяснениях до вынесения Палатой решения о приемлемости жалобы. Власти Российской Федерации представили свои объяснения по вопросу о приемлемости жалобы 18 февраля 2009 г. Разбирательство о реабилитации окончилось 30 марта 2010 г. (см. [§ 52](#) настоящего Постановления). Ничто не препятствовало властям Российской Федерации в выдвижении их возражения о неприемлемости, обусловленного исходом разбирательства о реабилитации, в Палате, которая рассмотрела вопрос о приемлемости и существо жалобы более чем через два года и восемь месяцев, 11 декабря 2012 г.

81. Кроме того, в своем письме от 10 февраля 2011 г., полученном Европейским Судом 2 марта 2011 г., первый заявитель информировал Европейский Суд об исходе разбирательства о реабилитации и приложил копии соответствующих судебных решений. Председатель Секции решил в соответствии с [пунктом 1 правила 38](#) Регламента Суда приобщить объяснения заявителя к делу для рассмотрения Европейского Суда и передал их властям Российской Федерации для информирования 10 марта 2011 г., задолго до рассмотрения Палатой вопроса о приемлемости.

82. В отсутствие исключительных обстоятельств, которые могли бы освободить власти Российской Федерации от обязанности своевременного выдвижения возражения, Европейский Суд находит, что власти Российской Федерации не вправе выдвигать предварительное возражение относительно статуса жертвы первого заявителя (см. [Постановление](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Сейдович против Италии" (*Sejdovic v. Italy*), жалоба N 56581/00, § 41, ECHR 2006-II, [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Прокопович против Российской Федерации" (*Prokopovich v. Russia*), жалоба N 58255/00 [<1>](#), § 29, ECHR 2004-XI (извлечения), и [Постановление](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Андреева против Латвии" (*Andrejeva v. Latvia*), жалоба N 55707/00, [§ 49](#), ECHR 2009).

<1> Опубликовано в "Бюллетене Европейского Суда по правам человека" N 8/2006.

83. Соответственно, предварительное возражение властей Российской Федерации подлежит отклонению.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ [СТАТЬИ 3](#) КОНВЕНЦИИ

84. Заявители жаловались на свое содержание в металлической клетке в зале суда первой инстанции. Они утверждали, что такое содержание составляло унижающее достоинство обращение, запрещенное [статьей 3](#) Конвенции, которая предусматривает следующее:

"Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию".

А. Правило шестимесячного срока и пределы
рассмотрения дела Европейским Судом

85. Европейский Суд отмечает, что власти Российской Федерации не выдвинули вопрос о соблюдении заявителями правила шестимесячного срока в Палате или Большой Палате Европейского Суда. Палата также не рассматривала этот вопрос в своем Постановлении, а признала жалобу заявителей по поводу содержания в клетке приемлемой и установила - в свете обстоятельств, относящихся к третьему судебному разбирательству, - нарушение требований [статьи 3](#) Конвенции. Имея юрисдикцию для применения правила шестимесячного срока по своей инициативе (см. [Постановление](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Сабри Гюнеш против Турции" (Sabri Gunes v. Turkey) от 29 июня 2012 г., жалоба N 27396/06, § 29), Европейский Суд находит уместным рассмотреть этот вопрос в настоящем деле.

86. Европейский Суд напоминает, что, как правило, течение шестимесячного срока начинается с момента вынесения окончательного решения в процессе исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты. Если, однако, изначально ясно, что заявителю не было доступно эффективное средство правовой защиты, срок начинает течь с даты обжалуемых действий или мер либо с даты, когда заявитель узнал об этом действии, его влиянии на заявителя или ущербе, причиненном заявителю (см. [Постановление](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Варнава и другие против Турции" (Varnava and Others v. Turkey), жалобы N 16064/90, 16065/90, 16066/90, 16068/90, 16069/90, 16070/90, 16071/90, 16072/90 и 16073/90, § 157, ECHR 2009). Если предполагаемое нарушение представляет собой длящуюся ситуацию, в отношении которой внутригосударственное средство правовой защиты отсутствует, шестимесячный срок начинает течь с конца длящейся ситуации (см. [Решение](#) Европейского Суда по делу "Юльке против Турции" (Ulke v. Turkey) от 1 июня 2004 г., жалоба N 39437/98). Пока ситуация продолжается, правило шестимесячного срока неприменимо (см. [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Иордаке против Румынии" (Iordache v. Romania) от 14 октября 2008 г., жалоба N 6817/02, § 50). Понятие "длящейся ситуации" относится к положению дел, в котором имеет место продолжающаяся деятельность государства или с его стороны, делающая заявителя потерпевшим (см. [Решение](#) Европейского Суда по делу "Петков и другие против Болгарии" (Petkov and Others v. Bulgaria) от 4 декабря 2007 г., жалобы N 77568/01, 178/02 и 505/02). Европейский Суд ранее указывал, что в случае повторения того же события, такого как перевозка заявителя из изолятора в здание суда, даже если заявитель перевозился в определенные дни, а не постоянно, отсутствие выраженных изменений в условиях перевозки, которые он обычно претерпевал, создает, по мнению Европейского Суда, "длящуюся ситуацию", относящую весь обжалуемый период к компетенции Европейского Суда (см. [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Фетисов и другие против Российской Федерации" (Fetisov and Others v. Russia) от 17 января 2012 г., жалобы N 43710/07, 6023/08, 11248/08, 27668/08, 31242/08 и 52133/08 <1>, § 75). То же верно в случае, когда заявители, находящиеся под стражей, как в настоящем деле, постоянно содержатся в металлической клетке в зале судебных заседаний каждый раз, когда они доставляются из изолятора в здание суда для рассмотрения их дела.

<1> Опубликовано в "Бюллетене Европейского Суда по правам человека" N 7/2013.

87. Европейский Суд отмечает, что заявители не выдвигали жалоб в каком-либо внутригосударственном органе, утверждая, что их содержание в металлической клетке в зале судебных заседаний являлось стандартной практикой, применимой ко всем подозреваемым и обвиняемым, содержащимся под стражей, что не оспаривали власти Российской Федерации. Заявители, которые предполагали, что вследствие этой ситуации отсутствовали внутригосударственные средства правовой защиты, требующие исчерпания, таким образом, должны были подать свои жалобы в Европейский Суд не позднее шести месяцев с момента прекращения обжалуемой ситуации в целях соблюдения правила шестимесячного срока. Подав жалобы 5 мая и 2 июля 2008 г. соответственно, в период, когда третье судебное разбирательство еще продолжалось, заявители исполнили это правило относительно своего содержания в клетке только во время третьего судебного разбирательства. В связи с этим Европейский Суд

не будет учитывать их содержание в клетке во время первого и второго судебных разбирательств, которые окончились в 2004 и 2006 годах - более чем за шесть месяцев до дат подачи жалоб - как не относящееся к пределам его рассмотрения (см. с необходимыми изменениями [Постановление](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Кипр против Турции" (*Cyprus v. Turkey*), жалоба N 25781/94, § 104, ECHR 2001-IV).

В. Доводы сторон в Большой Палате Европейского Суда

1. Власти Российской Федерации

88. Власти Российской Федерации утверждали, что в Советском Союзе место для подсудимого в зале судебных заседаний напоминало трибуну <2>. Металлическая "решетка" была впервые применена в процессе известного серийного убийцы А. Чикатило в 1992 году с целью защиты подсудимого от родственников его многочисленных жертв.

<2> Употребленное в оригинале слово может также переводиться как "кафедра". Трудно сказать, что имеют в виду власти Российской Федерации, но обычно в народных судах залы заседаний по уголовным делам были оборудованы деревянной перегородкой, за которой и находились во время слушания подсудимые (примеч. переводчика).

89. "Металлические заграждения" в залах судебных заседаний появились в Российской Федерации в 1994 году в соответствии с совместным письмом от 3 февраля 1993 г. Министерства юстиции Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации (см. § 55 настоящего Постановления) в ответ на волну преступности, возникшую после распада Советского Союза и в период реорганизации государственной системы. Мера преследовала цель исключения бегства подсудимых по уголовным делам или их нападения на конвойных, судей, свидетелей и потерпевших, поскольку количество таких происшествий возросло, а также для обеспечения безопасности посетителей в залах судебных заседаний.

90. Согласно официальной статистике Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации и Статистического <1> комитета СНГ (Содружества Независимых Государств) уровень преступности в Российской Федерации и СНГ в 1992 году по отношению к предыдущему году составил 27 и 24% соответственно. В тот же период в Российской Федерации количество тяжких преступлений возросло более чем на 30%, преступлений, совершенных группой - на 30 и разбоев - на 66%. В 1994 году общее количество лиц, осужденных вступившими в силу приговорами, превысило на 16,7% количество от предыдущего года и составило 924 574.

<1> Правильнее, "Межгосударственного статистического комитета Содружества Независимых Государств" (примеч. переводчика).

91. Власти Российской Федерации утверждали, что, хотя ситуация с тех пор улучшилась, использование "заграждений безопасности" оставалось оправданным как средство предотвращения побегов, исключения отвлечения судей и прокуроров от их основных обязанностей, повышения чувства безопасности потерпевших, свидетелей и других участников разбирательства и обеспечения защиты подсудимых от гнева потерпевших. Кроме того, подсудимые не ограничивались в движениях наручниками или ножными кандалами и могли занимать более удобные позы. Власти Российской Федерации указали, что воспрепятствование попытке побега подсудимого безопаснее, чем его задержание после побега. Они отметили отсутствие международных актов, запрещающих содержание подсудимых, находящихся под стражей, за "заграждениями безопасности" в залах судебных заседаний или устанавливающих требования к использованию таких "заграждений".

92. Согласно статистическим материалам Министерства внутренних дел Российской Федерации в период 2009 - 2013 годов общее количество побегов из залов судебных заседаний в Российской Федерации составляло ноль, четыре, пять, два и три в год соответственно, общее количество нападений подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, на государственных представителей в залах судебных заседаний составляло один, один, семь, ноль и семь за год соответственно, и общее количество случаев самопричинения вреда лицами, содержащимися под стражей, в залах судебных заседаний составляло четыре, 14, 20, 16 и 18 за год соответственно. Власти Российской Федерации утверждали, что

эти цифры могли быть больше, если бы подозреваемые и обвиняемые, содержащиеся под стражей, не находились за "заграждениями безопасности".

93. Власти Российской Федерации отмечали, что содержание за "заграждением безопасности" практиковалось в отношении всех подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей. Однако порядок заключения под стражу и продления срока содержания служит гарантией против произвола и неизбирательного применения данной меры безопасности. Они ссылались на внутригосударственную правовую базу предварительного заключения, которое рассматривалось как крайняя мера пресечения, избираемая на основании оценки судебным органом индивидуальных обстоятельств, свидетельствующих о наличии угрозы бегства, продолжения преступной деятельности или воспрепятствования осуществлению правосудия, и только в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении наиболее тяжких преступлений и представляющих значительную общественную опасность (см. §§ 67 - 69 настоящего Постановления).

94. Согласно ежегодным статистическим отчетам Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации процент подсудимых, содержащихся под стражей, по отношению к общему числу подсудимых в судах первой инстанции снизился с 17,7%, или 241 111 человека в 2007 году (за исключением военных судов), до 12,8%, или 134 937 человек в 2012 году.

95. Власти Российской Федерации утверждали, что заявители в настоящем деле содержались в клетке в зале судебных заседаний в интересах общественной безопасности и в строгом соответствии с внутригосударственным законодательством. Отсутствуют данные о том, что их состояние здоровья было неудовлетворительным или требовало постоянной медицинской помощи во время слушаний. Заявители не являлись известными публичными фигурами, чье нахождение в зале судебных заседаний за "заграждением безопасности" могло серьезно повредить их репутации. Их судебный процесс не был выдающимся, и не имеется данных о том, что за исключением сообщений в некоторых местных средствах массовой информации он широко освещался в прессе или посещался общественностью. Кроме того, свидетели и потерпевшие отказывались принимать участие в слушаниях из-за страха мести заявителей. Власти Российской Федерации выразили сомнение в том, что родственники или знакомые заявителей присутствовали на слушаниях, особенно поскольку судебное разбирательство происходило в г. Магадане, тогда как заявители происходили из п. Синегорья, расположенного в 500 км, в отсутствие регулярного сообщения общественным транспортом.

96. Власти Российской Федерации полагали, что Палата явно недооценила прежние судимости заявителей (см. §§ 9, 10 и 12 настоящего Постановления). Они ранее совершали насильственные преступления организованными группами, что, по мнению властей Российской Федерации, само по себе достаточно для подтверждения предрасположенности заявителей к насилию и наличия реальных угроз безопасности. Помимо осуждения первого заявителя за кражу, власти Российской Федерации упомянули судимость за покушение на изнасилование несовершеннолетней в 1990 году, разбой в 2001 году и его осуждение Магаданским областным судом в 2011 году за принадлежность к устойчивой крупной организованной преступной группе, действовавшей с 1990 года. На обоих заявителях имелись отрицательные характеристики от главы местной администрации и участкового по месту жительства, в которых они характеризовались как лица, ведущие антиобщественный образ жизни, проявлявшийся в злоупотреблении алкоголем, нетрудоустроенности, связях с ранее судимыми лицами и неуважительном поведении в отношении других лиц. Кроме того, заявители обвинялись в насильственных преступлениях.

97. Власти Российской Федерации также указывали, что ссылки в постановлениях о содержании под стражей на опасения свидетелей подкреплялись многочисленными доказательствами, а именно свидетельскими показаниями на предварительном следствии в 2002 - 2003 годах и во втором судебном разбирательстве в 2005 - 2006 годах. По мнению властей Российской Федерации, опасения свидетелей и потерпевших относились ко всем четырем подсудимым, поскольку они действовали организованной группой.

98. Власти Российской Федерации отметили, что заявители беспрепятственно и активно участвовали в разбирательстве, не проявляя признаков страха или смущения.

99. На основании этих элементов власти Российской Федерации отличали настоящее дело от дел, затрагивавших использование металлической клетки в зале судебных заседаний, в которых Европейский Суд установил нарушение статьи 3 Конвенции (они ссылались на Постановление Европейского Суда по делу "Сарбан против Молдавии" (Sarban v. Moldova) от 4 октября 2005 г., жалоба N 3456/05, Постановление Европейского Суда по делу "Рамишвили и Кохреидзе против Грузии" (Ramishvili and Kokhraidze v. Georgia) от 27 января 2009 г., жалоба N 1704/06, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Ашот Харутунян против Армении", Постановление Европейского Суда по делу "Ходорковский против

Российской Федерации" (Khodorkovskiy v. Russia) от 31 мая 2011 г., жалоба N 5829/04 <1>, и Постановление Европейского Суда по делу "Пирузян против Армении" (Piruzyan v. Armenia) от 26 июня 2012 г., жалоба N 33376/07), и находили сходство с делом, в котором нарушение в части использования клетки не было установлено, а именно Постановление Европейского Суда по делу "Титаренко против Украины" (Titarenko v. Ukraine) от 20 сентября 2012 г., жалоба N 31720/02, §§ 58 - 64.

<1> Опубликовано в специальном выпуске "Российская хроника Европейского Суда" N 3/2012.

100. Власти Российской Федерации заключили, что содержание заявителей за "заграждением безопасности" было оправдано соображениями предосторожности. Такое обращение явно не достигало минимального уровня суровости, необходимого для установления нарушения требований [статьи 3](#) Конвенции, и его воздействие на заявителей не вышло за рамки неизбежного элемента страдания или унижения, связанного с оправданным применением правомерной меры безопасности.

101. Власти Российской Федерации отметили, что новые [Правила](#) проектирования зданий судов, действующие с 1 июля 2013 г., предусмотрели в дополнение к уже существующим "заграждениям из металлических прутьев" пуленепробиваемые "стеклянные кабины" (см. [§ 66](#) настоящего Постановления). Замена "заграждений из металлических прутьев" "стеклянными кабинами" не являлась обязательной, и сроки для этой процедуры не были установлены. В то же время некоторые суды уже заменили по своей инициативе "заграждения из металлических прутьев" "стеклянными кабинами", и этот процесс начался в 2004 году. Власти Российской Федерации утверждали, что суды не лишены права выдвинуть более конкретные требования к конструкции "защитных кабин".

102. Власти Российской Федерации отмечали, что, будучи обычной мерой, введенной около 20 лет назад и применяемой ко всем подсудимым, содержащимся под стражей, "заграждение безопасности", использованное в деле заявителей, не могло повлиять на коллегия присяжных в их судебном процессе или умалять презумпцию невиновности. Кроме того, председательствующий судья обратил внимание присяжных на тот факт, что содержание под стражей заявителей не является доказательством их вины. Кроме того, первый заявитель был оправдан по всем обвинениям, а второй заявитель - по большинству обвинений, выдвинутых против него.

2. Заявители

103. Заявители утверждали, что содержание подозреваемых и обвиняемых, заключенных под стражу, в металлической клетке в зале судебных заседаний составляло неизбирательную практику, применяемую независимо от индивидуальных обстоятельств или природы вменяемых преступлений, будь то экономическое преступление, убийство, кража или менее тяжкое преступление, в разбирательстве дел судами общей юрисдикции или мировыми судьями и независимо от наличия судимости.

104. Как считали заявители, эта практика была незаконной. Они пояснили, что приказы Министерства внутренних дел Российской Федерации, предусматривавшие использование клетки в зале судебных заседаний (см. [§§ 56 - 57](#) настоящего Постановления), не были опубликованы. В силу [статьи 15](#) Конституции Российской Федерации, запрещающей применение любых нормативных актов, затрагивающих права и свободы человека, если они не опубликованы, эти приказы не могли применяться, а власти Российской Федерации не вправе на них ссылаться в Европейском Суде. Строительные правила 2000 и 2013 годов (см. [§§ 62 - 66](#) настоящего Постановления) не являлись законами, принятыми законодательным органом, и потому не могли устанавливать ограничения осуществления прав человека. Применимым законодательством страны для оценки законности использования клетки во время судебного разбирательства являлись [Конституция](#) и [УПК РФ](#). Они не предусматривали возможности содержания лиц в клетке во время судебных заседаний.

105. Заявители подчеркивали, что человеческое достоинство является абсолютной ценностью, которая не может умаляться по какой-либо причине и должна защищаться государством независимо от прошлого лица, судимости или иных характеристик. Таким образом, по их мнению, власти Российской Федерации ошибочно полагали, что содержание заявителей в клетке не составляло унижающее достоинство обращение, поскольку они не являлись публичными фигурами или известными лицами и поскольку суд над ними не привлек значительное внимание общественности или не освещался подробно в средствах массовой информации.

106. Заявители дополнительно указали, что власти Российской Федерации также ошибочно утверждали, что отсутствуют международные акты, запрещающие содержание подсудимых в клетках.

Такой запрет содержался в Замечании общего порядка N 32 о [статье 14](#) Международного пакта о гражданских и политических правах, опубликованном 23 августа 2007 г.

107. Содержание заявителей в клетке, как если бы они были опасными преступниками, которые уже признаны виновными, служило инструментом незаконного влияния на присяжных, в нарушение правил, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей, которые запрещают любые действия, способные умалять презумпцию невиновности, и, в частности, любые сообщения, которые могут настроить присяжных против подсудимых, например, упоминание прежних судимостей подсудимых или тот факт, что они являются хроническими алкоголиками или наркозависимыми лицами, если эта информация не является необходимой для установления элементов преступлений, в которых они обвиняются. С учетом вышеизложенного заявителя не могли иметь справедливого судебного разбирательства, соблюдающего принцип презумпции невиновности. Они никогда не признавали себя виновными, и было необходимо преодолеть предвзятость присяжных, чтобы доказать свою невиновность. Содержась в клетке перед судьями, которые должны были решить их судьбу, заявители ощущали свою беспомощность, неполноценность и беспокойство в течение всего судебного процесса. Данное жестокое обращение оказало влияние на их способность сосредоточения и живость ума во время данного разбирательства, затрагивавшего столь важный вопрос, как их свобода.

108. Заявители, подобно "обезьянкам в зоопарке", были выставлены в клетке для широкой публики, включая большое количество кандидатов в присяжные заседатели и свидетелей из того же населенного пункта, членов семьи и знакомых заявителей, которые посещали заседания. Вопреки утверждениям властей Российской Федерации, имелось регулярное автобусное сообщение между населенным пунктом заявителей и г. Магаданом, где проходило судебное разбирательство. Судебный процесс по делу заявителей освещался местным телевидением в 2002 - 2004 годах.

109. Что касается довода властей Российской Федерации о том, что обвинение в насильственных преступлениях обусловило содержание заявителей в клетке, три оправдания первого заявителя подтвердили, что обвинения против него были необоснованными. Второй заявитель был оправдан по большинству обвинений, включая бандитизм и разбой. В любом случае это не могло быть веским доводом с учетом принципа презумпции невиновности.

110. Что касается судимости заявителей, назначив первому заявителю условное наказание приговором от 15 июня 2001 г. и тем самым не лишив его свободы, суд признал, что он не представляет опасность для общества. Что касается осуждения в 2011 году, неясно, как это могло оправдать его содержание в клетке за несколько лет до этого.

111. Что касается опасений свидетелей, на которые ссылались власти Российской Федерации, основания для этих предполагаемых опасений и обстоятельства получения показаний властями Российской Федерации никогда не подвергались рассмотрению. Кроме того, до повторного задержания 6 декабря 2005 г. Сляднев находился на свободе один год и пять месяцев после оправдания 22 июня 2004 г. В этот период ничто не оправдывало эти опасения и не позволяло полагать, что он угрожал потерпевшим и свидетелям или совершил иные незаконные действия против них. Постановлением от 8 февраля 2005 г. Магаданский областной суд возложил на заявителей обязательство не покидать место жительства в качестве меры пресечения, и это ограничение действовало 10 месяцев. Суд и сторона обвинения, которая не обжаловала это постановление, не считали, что заявители представляли угрозу для общества. Не имелось оснований для изменения этой меры пресечения на содержание под стражей 6 декабря 2005 г. Сляднев содержался под стражей на тех же основаниях, что и его соподсудимый Гришин. Вывод Европейского Суда о нарушении [пункта 3 статьи 5](#) Конвенции в деле, инициированном Гришиным, и, в частности, вывод об отсутствии оснований для опасений свидетелей, применимы к настоящему делу (см. Постановление Европейского Суда по делу "Михаил Гришин против Российской Федерации" (Mikhail Grishin v. Russia) от 24 июля 2012 г., жалоба N 14807/08, §§ 147 - 156). Если содержание под стражей не имело "относимых и достаточных" причин и, следовательно, не могло быть законным, содержание в клетке также не могло считаться законным, по логике властей Российской Федерации. Ничто не указывало на ненадлежащее поведение во время данного судебного разбирательства.

112. Заявители заключили, что власти Российской Федерации не представили доказательств того, что упомянутые ими угрозы безопасности действительно существовали и что заявители могли скрыться или прибегнуть к насилию. Не имелось серьезных оснований для опасения незаконного поведения с их стороны в зале судебных заседаний. Соответственно, их содержание в металлической клетке во время рассмотрения их дела Магаданским областным судом не было оправдано соображениями безопасности и составляло унижающее достоинство обращение в нарушение [статьи 3](#) Конвенции. Такое обращение, сопоставимое с обращением с дикими зверями, содержащимися в металлических клетках в цирке или

зоопарке, запугивало заявителей и унижало их в собственных глазах и глазах общественности и порождало у них чувства страха, тоски и неполноценности, это также умаляло принцип презумпции невиновности. Недавно начавшийся процесс замены металлических клеток в залах судебных заседаний стеклянными кабинками показывает, что сама Российская Федерация признает, что использование металлических клеток составляет нарушение прав человека.

С. Мнение Европейского Суда

1. Применимые принципы

113. Европейский Суд напоминает, что [статья 3](#) Конвенции закрепляет одну из основополагающих ценностей демократического общества. [Конвенция](#) в абсолютных выражениях запрещает пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от обстоятельств поведения жертвы (см., в частности, [Постановление](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Лабита против Италии" (*Labita v. Italy*), жалоба N 26772/95, § 119, ECHR 2000-IV).

114. Для отнесения к сфере действия [статьи 3](#) Конвенции жестокое обращение должно достигнуть минимального уровня суровости. Оценка указанного минимального уровня может быть различной: она зависит от всех обстоятельств дела, таких как длительность обращения, его физические и психологические последствия, и в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья жертвы (см. [Постановление](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Яллох против Германии" (*Jalloh v. Germany*), жалоба N 54810/00, § 67, ECHR 2006-IV). Вопрос о том, преследовало ли подобное обращение цель унижения или оскорбления жертвы, является еще одним фактором, который должен приниматься во внимание, но отсутствие такой цели не может в решающей степени исключить установления нарушения [статьи 3](#) Конвенции (см. [Постановление](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "V. против Соединенного Королевства" (*V. v. United Kingdom*), жалоба N 24888/94, § 71, ECHR 1999-IX).

115. Обращение квалифицируется как "унижающее человеческое достоинство" в значении [статьи 3](#) Конвенции, если оно унижает или оскорбляет лицо, свидетельствуя о неуважении или умалении человеческого достоинства, или вызывает чувства страха, тоски или неполноценности, способные повредить моральному или физическому сопротивлению лица (см. [Постановление](#) Большой Палаты по делу "M.S.S. против Бельгии и Греции" (*M.S.S. v. Belgium and Greece*), жалоба N 30696/09, § 220, ECHR 2011, и [Постановление](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Эль-Масри против Македонии" (*El-Masri v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*), жалоба N 39630/09, § 202, ECHR 2012). Публичный характер обращения может быть значимым или усугубляющим фактором при оценке того, является ли оно "унижающим достоинство" в значении [статьи 3](#) Конвенции (см., в частности, [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Тайер против Соединенного Королевства" (*Tyler v. United Kingdom*) от 25 апреля 1978 г., § 32, Series A, N 26, [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Эрдоан Яыз против Турции" (*Erdogan Yagiz v. Turkey*) от 6 марта 2007 г., жалоба N 27473/02, § 37, и [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Куммер против Чешской Республики" (*Kummer v. Czech Republic*) от 25 июля 2013 г., жалоба N 32133/11, § 64).

116. Для того, чтобы обращение рассматривалось как "унижающее достоинство", испытываемые страдания и унижение в любом случае должны выходить за пределы неизбежного элемента страдания или унижения, связанного с применением данной формы правомерного обращения (см. упоминавшееся выше [Постановление](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "V. против Соединенного Королевства", § 71). Меры лишения свободы часто включают такие элементы. Нельзя утверждать, что содержание под стражей само по себе вызывает вопросы с точки зрения [статьи 3](#) Конвенции. Тем не менее в соответствии с этим положением государство должно обеспечить, чтобы лицо содержалось под стражей в условиях, совместимых с уважением человеческого достоинства, и чтобы формы и методы исполнения этой меры не причиняли ему страдания и трудности, превышающие неизбежный уровень страданий, присущий заключению (см. [Постановление](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Кудла против Польши" (*Kudia v. Poland*), жалоба N 30210/96, §§ 92 - 94, ECHR 2000-XI).

117. Что касается применения наручников или других инструментов ограничения свободы, оно обычно не вызывает вопроса с точки зрения [статьи 3](#) Конвенции, если мера применена в связи с законным задержанием или заключением под стражу и не влечет применения силы или публичной демонстрации, выходящей за рамки того, что разумно считается необходимым. В этом отношении имеет значение, например, наличие оснований полагать, что данное лицо может сопротивляться задержанию, или попытаться скрыться, или причинить травмы или ущерб, или устранить доказательства (см. [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Ранинен против Финляндии" (*Raninen v. Finland*) от 16 декабря 1997, § 56,

Reports of Judgments and Decisions 1997-VIII, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Оджалан против Турции" (*Ocalan v. Turkey*), жалоба N 46221/99, § 182, ECHR 2005-IV, и Постановление Европейского Суда по делу "Городничев против Российской Федерации" (*Gorodnitchev v. Russia*) от 24 мая 2007 г., жалоба N 52058/99 <1>, §§ 101, 102, 105 и 108, см. также Постановление Европейского Суда по делу "Мирослав Гарлицкий против Польши" (*Mirosaw Garlicki v. Poland*) от 14 июня 2011 г., жалоба N 36921/07, §§ 73 - 75).

<1> Опубликовано в "Бюллетене Европейского Суда по правам человека" N 9/2007.

118. Уважение человеческого достоинства составляет одну из основ Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу "Притти против Соединенного Королевства" (*Pretty v. United Kingdom*), жалоба N 2346/02, § 65, ECHR 2002-III). Объект и цель Конвенции как инструмента защиты отдельных лиц также требуют толкования и применения статьи 2 Конвенции таким образом, чтобы эти гарантии были практическими и эффективными. Любое толкование гарантированных прав и свобод должно быть совместимо с общим духом Конвенции, инструментом, направленным на поддержание и развитие идеалов и ценностей демократического общества (см. Постановление Европейского Суда по делу "Серинг против Соединенного Королевства" (*Soering v. United Kingdom*) от 7 июля 1989 г., § 87, Series A, N 161).

2. Подход в ранее рассмотренных сходных делах

119. Европейский Суд рассмотрел за последние годы несколько дел, затрагивавших использование металлических клеток в зале судебных заседаний с точки зрения статьи 3 Конвенции. Европейский Суд расценивал это обращение как "строгое" и "унижающее" (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Рамишвили и Кохреидзе против Грузии", § 102, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Ашот Харутюнян против Армении", §§ 128 - 129, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Пирузян против Армении", §§ 73 - 74). Он оценивал, может ли данное обращение быть оправданным соображениями безопасности при обстоятельствах конкретного дела, такими как личность заявителя (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Рамишвили и Кохреидзе против Грузии", § 101), природа преступлений, в которых он обвинялся, хотя сам по себе этот факт не рассматривался как достаточное оправдание (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Пирузян против Армении", § 71), его судимость (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Ходорковский против Российской Федерации", § 125, и Постановление Европейского Суда по делу "Ходорковский и Лебедев против Российской Федерации" (*Khodorkovskiy and Lebedev v. Russia*) от 25 июля 2013 г., жалобы N 11082/06 и 13772/05, §§ 485 - 486), его поведение (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Ашот Харутюнян против Армении", § 127) или другие данные об угрозе безопасности в зале судебных заседаний или угрозе того, что заявитель скроется (там же). Он также принимал во внимание такие дополнительные факторы, как присутствие публики и освещение процесса средствами массовой информации (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Сарбан против Молдавии", § 89, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Ходорковский против Российской Федерации", § 125).

120. Неоправданное или "избыточное" применение такой меры ограничения при конкретных обстоятельствах вынудило Европейский Суд заключить в вышеупомянутых делах, что содержание в металлической клетке в зале судебных заседаний составляло унижающее достоинство обращение. Однако в одном деле Европейский Суд установил большинством голосов, что по делу требования статьи 3 Конвенции нарушены не были (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Титаренко против Украины", §§ 58 - 64).

3. Постановление Палаты Европейского Суда

121. Палата Европейского Суда последовала подходу, принятому в вышеупомянутых делах (см. § 119 настоящего Постановления). Не усмотрев данных, дававших веские основания для опасения по поводу того, что заявители могут представлять угрозу порядку и безопасности в зале судебных заседаний, или что они могут прибегнуть к насилию или скрыться, или что имеется риск для их собственной безопасности, она решила, что их содержание в металлической клетке в зале судебных заседаний не было оправданным и потому составляло унижающее достоинство обращение (см. § 70 Постановления Палаты).

4. Мнение Большой Палаты Европейского Суда

122. Европейский Суд столкнулся в настоящем деле с практикой содержания подсудимых в металлических клетках, в которых они предстают перед судом по уголовным делам, если заключены под стражу. Эта практика была стандартной после распада Советского Союза в ряде государств-участников, которые ранее были республиками последнего, но затем в основном прекратилась. Даже те немногие государства-участники, сохранившие эту практику, включая государство-ответчика, начали процесс устранения металлических клеток из залов судебных заседаний (см. §§ 75 и 101 настоящего Постановления).

123. Металлические клетки в залах судебных заседаний использовались для каждого подозреваемого и обвиняемого, содержащихся под стражей в Российской Федерации (см. §§ 57 и 93 настоящего Постановления). Они остаются санкционированной практикой в современной Российской Федерации в отсутствие обязанности государства прекратить использование металлических клеток (см. §§ 65 - 66 и 101 настоящего Постановления). Условия для лиц, содержащихся под стражей (см. §§ 67 - 69 настоящего Постановления), и статистика властей Российской Федерации - 17,7%, или 241 111 подсудимых, содержащихся под стражей, в 2007 году и 12,8%, или 134 937 подсудимых, содержащихся под стражей, в 2012 году (см. § 94 настоящего Постановления) - иллюстрируют масштаб этой практики.

124. Европейский Суд отмечает, в частности, что такая практика регулировалась неопубликованным министерским приказом (см. §§ 57 и 61 настоящего Постановления). Этот факт весьма сомнителен сам по себе ввиду фундаментальной важности верховенства права в демократическом обществе, которое предполагает доступность правовых норм (см., например, Постановление Европейского Суда по делу "Силвер и другие против Соединенного Королевства" (Silver and Others v. United Kingdom) от 25 марта 1983 г., §§ 86 - 87, Series A, N 61).

125. На основании фотографий зала судебных заседаний Магаданского областного суда Европейский Суд отмечает, что заявители содержались за ограждением, образованным металлическими прутьями с четырех сторон и проволочным потолком (см. § 48 настоящего Постановления), которое может быть охарактеризовано как клетка. Заявителей охраняли вооруженные милицейские конвоиры, остававшиеся вне клетки (см. § 49 настоящего Постановления).

126. Заявители содержались в клетке в связи с разбирательством их дела с участием коллегии присяжных Магаданским областным судом в 2008 - 2009 годах по обвинению в разбоях с применением насилия в составе банды и других преступлениях, предположительно совершенных в 2001 - 2002 годах (см. §§ 9, 10 и 19 настоящего Постановления). Власти Российской Федерации утверждали, что насильственный характер преступлений, в которых обвинялись заявители, в совокупности с их прежними судимостями, отрицательными характеристиками с места жительства и страхом свидетелей по поводу незаконного поведения заявителей был достаточен для подтверждения их предрасположенности к насилию и существования реальных угроз безопасности в зале судебных заседаний, чтобы оправдывать использование клетки для обеспечения надлежащих условий проведения судебного разбирательства. Заявители не согласились с этим, утверждая, в частности, что полное оправдание первого заявителя и оправдание второго заявителя по большинству обвинений, включая бандитизм и разбой, подтвердили необоснованность обвинений и что это в любом случае не может быть относимым доводом с учетом принципа презумпции невиновности.

127. Европейский Суд согласен с властями Российской Федерации в том, что порядок и безопасность в зале судебных заседаний имеют большое значение и могут считаться необходимыми для надлежащего осуществления правосудия. В задачу Европейского Суда не входит обсуждение вопросов архитектуры зала судебных заседаний или дача указаний относительно того, какие конкретные меры физических ограничений могут быть необходимы. Однако средства, избранные для обеспечения порядка и безопасности, не могут включать меры ограничения, которые за счет своей жесткости (см. § 114 настоящего Постановления) или в силу самой их природы относят их к сфере действия статьи 3 Конвенции. Поскольку, как Европейский Суд неоднократно напоминал, статья 3 Конвенции абсолютно исключает пытку и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, оправдания этому обращению быть не может.

128. Таким образом, Европейский Суд прежде всего рассмотрит вопрос, достигнут ли минимальный уровень суровости, упомянутый в § 127 настоящего Постановления, при данных обстоятельствах. При этом он примет во внимание воздействие оспариваемой меры ограничения на заявителей.

129. В этом отношении Европейский Суд напоминает, что дело заявителей рассматривалось судом в составе 12 присяжных заседателей и двух запасных присяжных, а также председательствующего судьи. Он

также отмечает присутствие в зале судебных заседаний других участников судопроизводства, включая большое количество свидетелей - более 70 давали показания в суде - и кандидатов в присяжные заседатели, которые явились в суд для процесса отбора коллегии (см. § 38 настоящего Постановления), а также тот факт, что слушания были открыты для широкой общественности. Он полагает, что обозрение заявителей в клетке общественностью должно было вредить их имиджу и вызывать у них чувства унижения, беспомощности, страха, тоски и неполноценности.

130. Европейский Суд также отмечает, что заявители были подвергнуты оспариваемому обращению в течение всего судебного разбирательства с участием присяжных в Магаданском областном суде, которое продолжалось более года с проведением нескольких заседаний почти каждый месяц.

131. Кроме того, тот факт, что оспариваемое обращение имело место в зале судебных заседаний в контексте судебного разбирательства по делу заявителя <1>, затрагивает принцип презумпции невиновности в уголовном деле как один из элементов справедливого судебного разбирательства (см. с необходимыми изменениями Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Аллен против Соединенного Королевства" (Allen v. United Kingdom), жалоба N 25424/09, § 94, ECHR 2013) и значение признаков справедливого осуществления правосудия (см. Постановление Европейского Суда по делу "Борже против Бельгии" (Borgers v. Belgium), 30 октября 1991 г., § 24, Series A, N 214-B, Постановление Европейского Суда по делу "Жук против Украины" (Zhuk v. Ukraine) от 21 октября 2010 г., жалоба N 45783/05, § 27, и Постановление Европейского Суда по делу "Атанасов против Македонии" (Atanasov v. the former Yugoslav Republic of Macedonia) от 17 февраля 2011 г., жалоба N 22745/06, § 31). От этого зависит доверие, которое суды в демократическом обществе должны внушать общественности и, прежде всего, если речь идет об уголовном разбирательстве, подсудимому (см. с необходимыми изменениями Постановление Европейского Суда по делу "Де Куббер против Бельгии" (De Cubber v. Belgium) от 26 октября 1984 г., § 26, Series A, N 86).

<1> Так в оригинале (примеч. переводчика).

132. Европейский Суд отмечает, что Комитет ООН по правам человека недавно установил, что содержание подсудимого в наручниках и металлической клетке во время публичного судебного разбирательства составляет унижающее его достоинство обращение, которое также затрагивает справедливость судебного процесса (см. § 70 настоящего Постановления). Стандартные минимальные правила обращения с заключенными и правила процедуры международных уголовных судов предусматривают относительно средств усмирения, что ими можно пользоваться только для предотвращения побегов во время транспортировки при условии, что заключенные освобождаются от наручников, как только они предстают перед судебными органами (см. §§ 71 и 72 настоящего Постановления). Руководство по обеспечению справедливого судебного разбирательства организации "Международная амнистия" предусматривает, что содержание обвиняемого в клетке в зале суда может повлиять на презумпцию невиновности (см. § 74 настоящего Постановления).

133. Европейский Суд приходит к выводу о том, что заявители должны были иметь объективно оправданные опасения по поводу того, что их содержание на виду в клетке во время слушаний по их делу могло передать судьям, принимавшим решения по вопросам их уголовной ответственности и свободы, отрицательный имидж как лиц, опасных до степени, требующей столь крайнего физического ограничения, что подрывало бы презумпцию невиновности. Это должно было причинить им беспокойство и страдание ввиду серьезного значения для них данного разбирательства.

134. Европейский Суд отмечает, что иные соображения справедливого судебного разбирательства также могут иметь значение в контексте содержания в зале судебных заседаний (хотя они не вызывают проблем в настоящем деле), особенно права обвиняемого на эффективное участие в разбирательстве (см. Постановление Европейского Суда по делу "Станфорд против Соединенного Королевства" (Stanford v. United Kingdom) от 23 февраля 1994 г., §§ 27 - 32, Series A, N 282-A) и на получение практической и эффективной правовой помощи (см. Постановление Европейского Суда по делу "Инсанов против Азербайджана" (Insanov v. Azerbaijan) от 14 марта 2013 г., жалоба N 16133/08, §§ 168 - 170, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Ходорковский и Лебедев против Российской Федерации", §§ 642 - 648).

135. Наконец Европейский Суд не находит убедительных доводов о том, что при настоящих обстоятельствах содержание подсудимого в клетке (как указано в § 125 настоящего Постановления) во время судебного разбирательства составляет необходимое средство его физического ограничения, препятствующее его побегу, буйному или агрессивному поведению, или защищающее его от агрессии извне.

Продолжение подобной практики едва ли можно понять иначе, чем как средство унижения и умаления достоинства содержащегося в клетке лица. Цель унижения и оскорбления лица, содержащегося в клетке во время судебного разбирательства, таким образом, является очевидной.

136. При этом Европейский Суд считает, что содержание заявителей в клетке в зале судебных заседаний во время разбирательства неизбежно должно было причинить им страдание в степени, превосходящей обычный уровень страдания, присущий содержанию под стражей, при проявлении в суде и что оспариваемое обращение достигло минимального уровня суровости, относящего его к сфере действия [статьи 3](#) Конвенции.

137. Европейский Суд не находит, что использование клеток (описанных в настоящем Постановлении) в этом контексте может быть оправданным в соответствии со [статьей 3](#) Конвенции (см. [§ 138](#) настоящего Постановления), как власти Российской Федерации пытались доказать в своих объяснениях со ссылкой на предполагаемую угрозу безопасности (см. [§ 126](#) настоящего Постановления). В этом последнем отношении в любом случае Европейский Суд не признает, что такая угроза была обоснованной. Он отмечает, что Магаданский областной суд никогда не оценивал вопрос о том, были ли физические ограничения заявителей вообще необходимы во время слушаний. Кроме того, не указывались мотивы содержания заявителей в клетке. Эти мотивы отсутствуют также в постановлении о содержании под стражей, вопреки утверждениям властей Российской Федерации о том, что заявители представляли угрозу для свидетелей и что именно эта угроза обусловила их заключение под стражу. Первый заявитель не содержался под стражей в период третьего судебного разбирательства. Он содержался под стражей по несвязанному разбирательству по причинам, которые остались неизвестны (см. [§§ 34 и 46](#) настоящего Постановления). Содержание под стражей второго заявителя было санкционировано теми же судебными постановлениями, которые Европейский Суд рассмотрел в деле соподсудимого заявителей и нашел лишенными "относимых и достаточных" оснований для предварительного заключения, обеспечивающих совместимость с [пунктом 3](#) [статьи 5](#) Конвенции, и, в частности, не содержащими мотивов, доказывающих угрозу мести или оказания давления на свидетелей, на которую в настоящее время ссылаются власти Российской Федерации (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Михаил Гришин против Российской Федерации", [§§ 149 - 150](#)). Этот вывод полностью применим к настоящему делу, и ничто в объяснениях властей Российской Федерации Большой Палате Европейского Суда не дает оснований для отхода от него. Обвинения в совершении заявителями насильственных преступлений в рамках прошлых судимостей [<1>](#) - некоторых из них с условными наказаниями - за шесть и более лет до данного судебного разбирательства или последующее осуждение первого заявителя также не могут разумно считаться подкреплением объяснений властей Российской Федерации в этом отношении. Что касается отрицательных характеристик, упомянутых властями Российской Федерации (см. [§ 96](#) настоящего Постановления), они не позволяют предположить, что личность заявителей могла обусловить физические ограничения во время их судебного разбирательства; а второй заявитель имел также положительные характеристики от администрации следственного изолятора и тюрьмы (см. [§ 44](#) настоящего Постановления).

[<1>](#) Как видно из Постановления Европейского Суда по делу соподсудимого заявителей "Гришин против Российской Федерации", которое в настоящем Постановлении широко цитируется под названием "Михаил Гришин против Российской Федерации" (Постановление от 24 июля 2012 г., жалоба N 14807/08), это лицо было судимо за нападение на супругов, которых он бил рукояткой пистолета по головам, а затем содержал в багажнике автомобиля, требуя уплаты 3 000 долларов (в нападении также участвовал первый заявитель по настоящему делу). Гришин скрывался от следствия в больнице другого города, а свидетели отказывались от дачи показаний до его заключения под стражу. Тем не менее Европейский Суд не смог усмотреть "относимые и достаточные" причины для содержания соподсудимого под стражей, поэтому вполне логично, что содержание этого достойного гражданина и его товарищей в клетке не могло быть признано отвечающим их личным особенностям (примеч. переводчика).

138. Независимо от конкретных обстоятельств в настоящем деле Европейский Суд напоминает, что суть [Конвенции](#) составляет уважение человеческого достоинства и что объект и цель [Конвенции](#) как инструмента защиты отдельных лиц также требуют толкования и применения этих положений таким образом, чтобы эти гарантии были практическими и эффективными. В связи с этим он полагает, что содержание под стражей лица в металлической клетке во время судебного разбирательства само по себе - ввиду его объективно унижающей достоинство природы, несовместимой со стандартами цивилизованного поведения, служащими приметой демократического общества, - является оскорблением человеческого достоинства в нарушение [статьи 3](#) Конвенции.

139. Следовательно, содержание заявителей в металлической клетке составляло унижающее достоинство обращение, запрещенное [статьей 3 Конвенции](#). Соответственно, имело место нарушение данного положения [Конвенции](#).

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

140. Заявители жаловались на то, что длительность уголовного разбирательства против них была несовместима с требованием "разумного срока", предусмотренного [пунктом 1 статьи 6 Конвенции](#), который в соответствующей части предусматривает следующее:

"Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на... разбирательство дела в разумный срок... судом...".

141. Власти Российской Федерации сообщили, что не оспаривают выводов Европейского Суда в его вступившем в силу Постановлении по делу Михаила Гришина относительно длительности того же уголовного разбирательства (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Михаил Гришин против Российской Федерации", §§ 170 - 184).

142. Поэтому период, который должен приниматься во внимание, начался 24 сентября 2002 г. в отношении первого заявителя и 20 января 2003 г. в отношении второго заявителя. В эти даты они были допрошены в качестве подозреваемых по делу. Он окончился 23 июля 2009 г., когда приговор суда был оставлен без изменения после рассмотрения жалобы. Таким образом, он продолжался шесть лет и 10 месяцев в отношении первого заявителя и шесть с половиной лет в отношении второго заявителя в судах двух инстанций.

143. В Постановлении Палата пришла к выводу о том, что длительность судебного разбирательства против заявителей была чрезмерной и не соответствовала требованию "разумного срока", установленному в [пункте 1 статьи 6 Конвенции](#) (см. §§ 89 - 90 Постановления Палаты). Она указала следующее:

"...76. Европейский Суд напоминает, что разумность срока судебного разбирательства должна оцениваться с учетом обстоятельств дела и в соответствии со следующими критериями: сложности дела, поведения заявителя и соответствующих должностных лиц (см., в частности, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Пелисье и Сасси против Франции" (Pelissier and Sassi v. France), жалоба N 25444/94, § 67, ECHR 1999-II).

77. Европейский Суд учитывает, что дело было весьма сложным. Оно включало более 10 эпизодов тяжких преступлений, в совершении которых обвинялись четыре человека. В нем участвовали более чем 70 потерпевших и свидетелей, многие из которых проживали в отдаленных населенных пунктах, расположенных более чем в 500 км от г. Магадана, где проводилось судебное разбирательство. Были назначены многочисленные экспертизы, выводы которых были рассмотрены в ходе судебного разбирательства.

78. Предварительное следствие по делу продолжалось меньше года. В этот период второй заявитель сознательно затягивал рассмотрение дела с 20 мая по 13 августа 2003 г. (...)

79. Заявитель и другие обвиняемые, интересы которых представляли адвокаты, ходатайствовали о рассмотрении дела судом присяжных. Присяжные заседатели рассматривали дело три раза, поскольку приговор Магаданского областного суда дважды отменялся после рассмотрения жалоб Верховным Судом Российской Федерации.

80. В первый раз областному суду потребовалось девять месяцев для рассмотрения дела с участием присяжных и вынесения приговора в июне 2004 года, после чего заявители, содержащиеся под стражей, были оправданы и освобождены. В это время слушание откладывалось примерно на четыре недели по ходатайству заявителя и на две недели в связи с болезнью одного из защитников. Затем Верховный Суд Российской Федерации рассматривал жалобу в течение шести месяцев.

81. Европейский Суд полагает, что до этого момента отсутствовали задержки, за которые несли ответственность власти.

82. Во второй раз областной суд рассматривал дело в течение двух лет после отмены первого приговора Верховным Судом Российской Федерации 7 декабря 2004 г. на том основании, что некоторые присяжные заседатели скрыли судимость своих родственников в момент отбора и что председательствующий судья не суммировал доказательства надлежащим образом.

83. В первый год Верховному Суду Российской Федерации потребовались три месяца для отмены после рассмотрения жалобы ошибочного решения областного суда о возвращении дела следственному органу.

84. Слушание было отложено на пять месяцев в связи с заболеванием одного из сообвиняемых

заявителя и невозможностью рассмотрения обвинений, предъявленных заявителям, в рамках отдельного разбирательства. Дополнительная задержка была вызвана уклонением обвиняемых и их адвокатов от явки в суд. Государство не может нести ответственность за эту задержку.

85. Судебный процесс начался в декабре 2005 года, когда заявители вновь содержались под стражей, и окончился год спустя. В этот период слушание было отложено на два месяца и 20 дней по причине летних отпусков присяжных заседателей, после чего сторонам пришлось повторно участвовать в прениях, что потребовало дополнительного месяца. Европейский Суд учитывает, что летние отпуски присяжных заседателей объясняются особенностями труда в условиях Крайнего Севера, о которых адвокаты заявителя должны были знать, и присяжные заседатели предупредили об этом стороны и суд в момент отбора. Европейский Суд отмечает, что в третьем разбирательстве слушание было отложено для аналогичного перерыва на более короткий срок, а именно на полтора месяца, и не усматривает в материалах дела данных о том, что вышеупомянутая задержка была полностью оправданной.

86. Жалоба на второй приговор областного суда рассматривалась в течение шести месяцев, и 6 июня 2007 г. приговор был отменен, в частности, на том основании, что заявитель, его сообвиняемые и их адвокаты злоупотребляли своими правами и нарушали процессуальные правила с целью оказания влияния на вердикт присяжных заседателей. Таким образом, они несли ответственность за возникшую задержку разбирательства.

87. В течение года и девяти месяцев до вынесения третьего приговора дело три месяца находилось без движения, пока областной суд не начал его рассмотрение в сентябре 2007 года. Еще пять месяцев прошло до формирования коллегии присяжных заседателей и начала судебного разбирательства, которое длилось более года. Слушание было отложено примерно на месяц из-за болезни сообвиняемого заявителя. Жалоба на третий приговор рассматривалась четыре месяца. 23 июля 2009 г. она была отклонена, и приговор вступил в силу.

88. Несмотря на очевидные задержки, за которые несли ответственность заявитель и его сообвиняемые, что не предполагает ответственности государства, имели место значительные задержки по вине государства в период, когда дело находилось на рассмотрении суда первой инстанции во второй и третий раз, общей продолжительностью примерно в год, и в это время заявители содержались под стражей, что требовало от внутригосударственных судов особой старательности в целях безотлагательного осуществления правосудия (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Калашников против Российской Федерации", § 132). Принимая во внимание сложность дела и трудности, с которыми столкнулся Магаданский областной суд, Европейский Суд напоминает, что государство сохраняет ответственность за эффективность системы и способ обеспечения соблюдения требования разумного срока - с помощью автоматических сроков и указаний или каким-то иным методом. Если государство допускает продолжение разбирательства за пределами "разумного срока", предусмотренного [статьей 6](#) Конвенции, не принимая мер для его ускорения, оно несет ответственность за возникшую в результате задержку (см. Постановление Европейского Суда по делу "Блейк против Соединенного Королевства" (Blake v. United Kingdom) от 26 сентября 2006 г., жалоба N 68890/01, § 45) ^{<1>}.

^{<1>} При цитировании Европейский Суд перепутал нумерацию упоминавшегося выше Постановления по делу Гришина. В действительности цитируются §§ 170 - 182 данного Постановления (примеч. переводчика).

144. Большая Палата Европейского Суда не усматривает оснований для отхода от вывода Палаты, который согласуется с Постановлением Европейского Суда по делу Михаила Гришина (упоминавшимся выше). Поэтому она приходит к выводу, что длительность уголовного разбирательства против заявителей не отвечала требованию "разумности срока".

145. Соответственно, имело место нарушение требований [пункта 1 статьи 6](#) Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ [СТАТЬИ 41](#) КОНВЕНЦИИ

146. [Статья 41](#) Конвенции предусматривает:

"Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение [Конвенции](#) или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

А. Ущерб

147. Первый заявитель требовал 78 000 евро в качестве компенсации морального вреда и 2 000 евро в качестве компенсации материального ущерба, представляющие собой предполагаемую утрату пособия по безработице в период уголовного разбирательства против него. Второй заявитель требовал 15 000 евро в качестве компенсации морального вреда и 2 000 000 рублей (примерно 44 000 евро) в качестве компенсации материального ущерба, представляющие собой предполагаемую утрату пособия по безработице в период уголовного разбирательства против него.

148. Власти Российской Федерации оспаривали этот довод.

149. Европейский Суд учитывает, что требования заявителей в качестве компенсации материального ущерба должны быть связаны с длительностью уголовного разбирательства против них, которую он признал чрезмерной в нарушение [пункта 1 статьи 6](#) Конвенции. Однако с учетом требований, предъявленных заявителями, Европейский Суд не может строить догадки относительно того, были бы они трудоустроены, или какой доход они бы получали, если бы длительность разбирательства против них не была чрезмерной. Таким образом, он не усматривает причинной связи между установленными нарушениями и предполагаемым материальным ущербом, в связи с чем отклоняет эти требования.

150. Что касается морального вреда, принимая во внимание природу установленных нарушений [Конвенции](#) и оценивая указанные обстоятельства на справедливой основе, Европейский Суд присуждает каждому заявителю 10 000 евро по данному основанию.

В. Судебные расходы и издержки

151. Второй заявитель требовал 317 476 рублей в качестве компенсации расходов на юридическое представительство в суде, рассматривавшем его уголовное дело. Оба заявителя также требовали в общей сложности 600 000 евро за работу, проведенную адвокатами в связи с представительством их интересов в Большой Палате Европейского Суда. Эта сумма включает гонорары трех адвокатов Адвокатской палаты Магаданской области: В. Пальчинского, Е. Плотникова и В. Тайсаевой, - в размере 200 000 рублей за работу каждого адвоката, в том числе за оплату письменных и устных объяснений для Большой Палаты Европейского Суда и издержки по участию в заседании. Они не предоставили отдельных документов в поддержку требований относительно В. Пальчинского, который представлял интересы первого заявителя, или В. Тайсаевой, которая представляла второго заявителя. Они указали, что первый заявитель отбывает наказание в виде лишения свободы и не имеет средств для оплаты труда своего адвоката, а второй заявитель находится в сложной финансовой ситуации.

152. Власти Российской Федерации оспаривали эти требования.

153. Европейский Суд напоминает, что для получения права на компенсацию судебных расходов и издержек потерпевшая сторона должна понести их при совершении в рамках внутригосударственного правопорядка действий, направленных на предупреждение или устранение нарушения, на установление нарушения Европейским Судом или на получение возмещения в связи с ним. Кроме того, Европейский Суд должен удостовериться в том, что судебные расходы и издержки были действительно понесены и являлись разумными по размеру (см. в числе прочих примеров упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Яллох против Германии", [§ 133](#)).

154. С учетом критериев, выработанных прецедентной практикой Европейского Суда, установленных нарушений и материалов, предоставленных ему, Европейский Суд отклоняет требование второго заявителя о компенсации судебных расходов и издержек, понесенных во внутригосударственном судебном разбирательстве. Европейский Суд также признает, что издержки на представительство в конвенционном разбирательстве дела Большой Палатой Европейского Суда были понесены для установления и устранения нарушения конвенционных прав заявителей. В частности, он отмечает, что письменные и устные объяснений заявителей в Большой Палате Европейского Суда не были простым повторением их объяснений для Палаты, но требовали дополнительных исследований и правовой аргументации, и что все три адвоката присутствовали и выступали с речами на слушании.

155. Ввиду того факта, что юридическая помощь была оказана заявителям, и произведя собственную оценку, Европейский Суд находит разумным присудить в отношении собственного разбирательства 2 000 евро за работу каждого из трех адвокатов, а именно 2 000 евро первому заявителю и 4 000 евро второму заявителю, а также любой налог, обязанность уплаты которого может быть на них возложена.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

156. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО:

- 1) отклонил предварительное возражение властей Российской Федерации;
- 2) постановил, что ситуации, связанные с содержанием заявителей в клетке в течение первого и второго судебных процессов, не относятся к пределам его рассмотрения;
- 3) постановил, что имело место нарушение [статьи 3](#) Конвенции;
- 4) постановил, что имело место нарушение [пункта 1 статьи 6](#) Конвенции;
- 5) постановил, что
 - (a) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу выплатить заявителям следующие суммы, подлежащие переводу в рубли по курсу, который будет установлен на день выплаты:
 - (i) 10 000 евро (десять тысяч евро) в пользу каждого заявителя, а также любой налог, подлежащий начислению на указанную сумму, в качестве компенсации морального вреда;
 - (ii) 2 000 евро (две тысячи евро) первому заявителю и 4 000 евро (четыре тысячи евро) второму заявителю, а также любой налог, подлежащий начислению заявителям на указанную сумму, в качестве компенсации судебных расходов и издержек;
 - (b) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;
 - 6) отклонил оставшуюся часть требований заявителей о справедливой компенсации.Совершено на английском и французском языках, вынесено на открытом слушании во Дворце прав человека в Страсбурге 17 июля 2014 г.

Председатель Большой Палаты
ДИН ШПИЛЬМАНН

Заместитель Секретаря Суда
МАЙКЛ О'БОЙЛ

В соответствии с [пунктом 2 статьи 45](#) Конвенции и [пунктом 2 правила 74](#) Регламента Суда к Постановлению прилагаются следующие особые мнения:

- (a) совместное совпадающее особое мнение судей Раймонди и Сисилианоса;
- (b) совместное совпадающее особое мнение судей Николау и Келлер;
- (c) совпадающее особое мнение судьи Силвиса.

СОВМЕСТНОЕ СОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ
СУДЕЙ РАЙМОНДИ И СИСИЛИАНОСА
(Перевод) <1>

<1> Так в оригинале (примеч. редактора).

1. Мы безоговорочно разделяем все решения, принятые Большой Палатой Европейского Суда в этом важном деле. Тем не менее мы ощущаем необходимость приложить к Постановлению краткое совпадающее мнение как следствие наших колебаний по поводу мотивировки Европейского Суда в отклонении предварительного возражения властей Российской Федерации о том, что первый заявитель не имел статуса жертвы (см. [§§ 77 - 83](#) настоящего Постановления).

2. В своих объяснениях в Большой Палате Европейского Суда власти Российской Федерации

утверждали, что первый заявитель, оправданный по всем обвинениям и получивший компенсацию в рамках последующего разбирательства о реабилитации, более не мог считаться жертвой нарушений [статьи 3](#) Конвенции в части его содержания в металлической клетке в зале судебных заседаний и [статьи 6](#) Конвенции в части длительности разбирательства против него (см. [§§ 50 - 52](#) настоящего Постановления), на которые он ссылался.

3. Однако вполне очевидно, что ни компенсация материального ущерба, присужденная первому заявителю областным судом (см. [§ 51](#) настоящего Постановления), ни компенсация морального вреда, присужденная ему же Магаданским городским судом с одобрения областного суда (см. [§ 52](#) настоящего Постановления), не предполагали признания нарушения Российской Федерацией [статьи 3](#) Конвенции и [пункта 1 статьи 6](#) Конвенции (длительность разбирательства), которые должен был рассматривать Европейский Суд.

4. Следовательно, критерии, выработанные прецедентной практикой Европейского Суда для установления утраты статуса жертвы, а именно признание внутригосударственными властями нарушения [Конвенции](#) и предоставление достаточного возмещения за него (см. [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Экле против Германии" (*Eckle v. Germany*) от 15 июля 1982 г., [§ 66](#), Series A, N 51), в настоящем деле не достигнуты. Таким образом, возражение было явно необоснованным.

5. Европейский Суд фактически предпочел отклонить возражение на том основании, что оно представлено за пределами срока, сославшись на [правило 55](#) Регламента Суда, согласно которому любое возражение о неприемлемости должно, насколько позволяют его характер и обстоятельства, быть выдвинуто ответчиком - Договаривающейся Стороной в своих письменных или устных объяснениях о приемлемости, представленных в соответствии с [правилом 51](#) или [54](#) Регламента Суда, в зависимости от ситуации.

6. В частности, Европейский Суд отметил, что в настоящем деле власти Российской Федерации не включили это предварительное возражение в свои объяснения до разрешения Палатой вопроса о приемлемости жалобы. Они представили свои объяснения по данному вопросу 18 февраля 2009 г. Кроме того, разбирательство о реабилитации окончилось 30 марта 2010 г. (см. [§ 52](#) настоящего Постановления). Ничто не препятствовало властям Российской Федерации с учетом исхода этой процедуры в подаче возражения о неприемлемости в Палате, которая рассмотрела жалобу по вопросу приемлемости и по существу 11 декабря 2012 г., более чем через два года и восемь месяцев.

7. Европейский Суд решил, что в отсутствие исключительных обстоятельств, которые могли бы освободить власти Российской Федерации от обязанности своевременной подачи возражения, они были лишены права ссылаться на этой стадии на то, что первый заявитель утратил статус жертвы. В этом контексте цитировались три примера (Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Сейдович против Италии" (*Sejdovic v. Italy*), жалоба N 56581/00, [§ 41](#), ECHR 2006-II, Постановление Европейского Суда по делу "Прокопович против Российской Федерации" (*Prokopyovich v. Russia*) жалоба N 58255/00, [§ 29](#), ECHR 2004-XI, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Андреева против Латвии" (*Andrejeva v. Latvia*), жалоба N 55707/00, [§ 49](#), ECHR 2009).

8. Ссылаясь на эти три Постановления, Большая Палата Европейского Суда, по-видимому, ставит анализ вопроса о возможной утрате статуса жертвы в ту же плоскость, что анализ другого основания неприемлемости - уклонения от исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты. Два из трех процитированных Постановлений, а именно по делам Сейдовича и Прокопович, касаются последнего вопроса, тогда как дело Андреевой не затрагивает вопроса о возможной утрате статуса жертвы.

9. Эти два основания неприемлемости не следуют одному правилу, что касается полномочия Европейского Суда действовать по своей инициативе.

10. Что касается статуса жертвы, нет сомнений в том, что несмотря на [правило 55](#) Регламента Суда Европейский Суд может в любое время затронуть этот вопрос по своей инициативе независимо от того, выдвинуло ли государство-ответчик такое возражение (см. [Постановление](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Микаллеф против Мальты" (*Micallef v. Malta*), жалоба N 17056/06, [§ 36](#), ECHR 2009, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Константин Маркин против Российской Федерации" (*Konstantin Markin v. Russia*), жалоба N 30078/06 [<1>](#), [§ 79](#), ECHR 2012, и [Постановление](#) Европейского Суда по делу "М.А. против Кипра" (*M.A.v. Cyprus*), жалоба N 41872/10, [§ 115](#), ECHR 2013), поскольку это вопрос правопорядка, относящийся к юрисдикции Европейского Суда.

<1> Опубликовано в "Бюллетене Европейского Суда по правам человека" N 6/2012.

11. Напротив, что касается уклонения от исчерпания внутригосударственных средств правовой

защиты, полномочие Европейского Суда действовать по своей инициативе более ограничено. Если государство-ответчик несвоевременно подает такое возражение о неприемлемости, Европейский Суд рассматривает этот вопрос, только если имеются особые обстоятельства, способные освободить их от обязанности своевременной подачи такого возражения (см. [Постановление](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Ассанидзе против Грузии" (Assanidze v. Georgia), жалоба N 71503/01, § 126, ECHR 2004-II).

12. Таковы причины, по которым мы предпочли бы отклонение Европейским Судом возражения относительно статуса жертвы как явно необоснованного или, по крайней мере, различие данной ситуации от предполагаемого уклонения от исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты.

СОВМЕСТНОЕ СОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ НИКОЛАУ И КЕЛЛЕР

1. Мы от чистого сердца соглашаемся с выводом большинства судей о том, что [статья 3](#) Конвенции нарушена в данном деле. Однако мы бы хотели почтительно пояснить мотивы, по которым мы приходим к этому заключению.

2. Во-первых, мы хотели бы прокомментировать понятие клетки. Постановление Большой Палаты Европейского Суда ограничилось использованием металлической клетки, описанным в §§ 48 и 125 настоящего Постановления. Мы хотели бы отметить, что Российская Федерация и другие страны, использующие металлические клетки в залах судебных заседаний, проявляют тенденцию к их замене стеклянными заграждениями или "перегородками из органического стекла" (см. § 75 настоящего Постановления). Настоящее Постановление не применяется к этим мерам безопасности. Однако мы хотели бы подчеркнуть, что такие "клетки" могут затрагивать вопросы, связанные с требованием процессуальной справедливости, предусмотренным [пунктом 1 статьи 6](#) Конвенции, и презумпцию невиновности [пункта 2 статьи 6](#) Конвенции (см. для сравнения Сообщение Комитета по правам человека в деле "Ковалева и Козьяр против Белоруссии" (Kovaleva and Kozyar v. Belarus), сообщение N 2120/2011, сообщения от 29 октября 2012 г., ССРР/С/106/D/2120/2011, § 11.4).

3. Во-вторых, мы находим необходимым отметить абсолютный характер [статьи 3](#) Конвенции, в свете чего следует воспринимать § 124 настоящего Постановления. Последовательная прецедентная практика Европейского Суда заключается в том, что [статья 3](#) Конвенции воплощает абсолютное право <1>. Таким образом, это положение не только не допускает отступлений, как это следует из [пункта 2 статьи 15](#) Конвенции, но и не допускает исключений, независимо от поведения жертвы или обстоятельств (см. [Постановление](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Гефген против Германии" (Gafgen v. Germany), жалоба N 22978/05, § 87, ECHR 2010). Соответственно, в то время как контекст данного обращения или наказания может быть принят во внимание при определении того, достигнут ли порог суровости, требуемый для установления нарушения [статьи 3](#) Конвенции, он не может служить оправданием этих действий или бездействия, достигающих этого порога (см. [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Ирландия против Соединенного Королевства" (Ireland v. United Kingdom) от 18 января 1978 г., § 163, Series A, N 25, и [Постановление](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Саади против Италии" (Saadi v. Italy), жалоба N 37201/06, § 127, ECHR 2008). Коротко говоря, отсутствуют пределы усмотрения или оправдания для жестокого обращения, достигающего порога [статьи 3](#) Конвенции. Относительность возможна лишь в вопросе о том, достигнут ли порог суровости для установления нарушения [статьи 3](#) Конвенции, но не в том, составляет ли обращение или наказание, достигшее этого порога, нарушение [Конвенции](#) (см. упоминавшееся выше [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Ирландия против Соединенного Королевства", § 162) <2>.

<1> Natasa Mavronicola and Francesco Messineo, "Relatively Absolute? The Undermining of Article 33 ECHR in Ahmad v. UK", (2013) 76(3) Modern Law Review 589 - 603, в 592; David J. Harris, Michael O'Boyle, Ed P. Bates and Carla M. Buckley, Harris, O'Boyle & Warbrick: Law of the European Convention on Human Rights (Oxford: Oxford University Press 2009), в 69.

<2> Natasa Mavronicola and Francesco Messineo, упоминавшееся выше, в 593 и последующие.

4. С учетом невозможности оправдания жестокого обращения, достигающего порога суровости, требуемого для установления нарушения [статьи 3](#) Конвенции, мы находим нежелательным, что [Постановление](#) в § 124 уделяет столько внимания правовой основе использования клеток в залах судебных заседаний и находит ее недостаточность в настоящем деле относимым фактором. Этот [параграф](#), напротив, может быть неправильно понятым как предполагающий, что достаточная правовая база могла бы несколько оправдать предполагаемое нарушение [статьи 3](#) Конвенции. Мы находим существенным, что

такое впечатление не должно создаваться. Наличие достаточной правовой базы является условием оправдания вмешательства в соответствии со [статьями 8 - 11](#) Конвенции, которые прямо допускают такое оправдание в своих соответствующих вторых пунктах. Поскольку какое-либо оправдание невозможно в соответствии со [статьей 3](#) Конвенции, [§ 124](#) настоящего Постановления следует считать доводом ad abundantiam <3>. Иными словами, его следует воспринимать как комментарий мимоходом по поводу проблемного характера регулирования судебного разбирательства неопубликованными приказами общего характера. В любом случае этот [параграф](#) не может восприниматься как означающий, что достаточная правовая база может легитимизировать действия, которые иначе противоречили бы [статье 3](#) Конвенции (см. для сравнения, в том же духе, совпадающее особое мнение судьи Братцы в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу "Яллох против Германии" (Jalloh v. Germany), жалоба N 54810/00, ECHR 2006-IX, в котором утверждалось, что рассмотрение большинством вопроса о том, было ли принудительное применение рвотного средства "необходимым", умаляло абсолютный характер [статьи 3](#) Конвенции).

<3> Ad abundantiam (лат.) - излишним (примеч. переводчика).

5. В [§ 128](#) настоящего Постановления Европейский Суд начинает анализ в соответствии со [статьей 3](#) Конвенции с правомерного вопроса о том, достигнут ли минимальный порог суровости, требуемый данным положением. Однако затем он затрагивает презумпцию невиновности и справедливость разбирательства в [§§ 131 - 134](#) настоящего Постановления. Признавая, что эти вопросы могут быть серьезными (см. [§ 2](#) настоящего Постановления), мы находим их включение в рассмотрение с точки зрения [статьи 3](#) Конвенции неуместным.

6. Что касается безопасности в зале судебных заседаний, [§ 137](#) настоящего Постановления не следует понимать как сохранение возможности, хотя бы и небольшой, оправдания использования металлических клеток в залах судебных заседаний. Иные средства, совместимые с достоинством обвиняемого, возможны и должны использоваться взамен. Мы обращаем внимание на принципиальный вывод Европейского Суда, весьма ясно изложенный в [§ 138](#) настоящего Постановления: использование металлических клеток в зале судебных заседаний само по себе несовместимо со [статьей 3](#) Конвенции.

7. Акцент Европейского Суда на презумпции невиновности в [§§ 131 - 134](#) настоящего Постановления представляет собой еще один довод ad abundantiam: в то время, как только [статья 3](#) Конвенция затрагивалась в настоящем деле, содержание обвиняемых в клетках во время судебного процесса при определенных обстоятельствах вполне может затронуть вопрос с точки зрения [пункта 2 статьи 6](#) Конвенции. Тот факт, что Европейский Суд отметил эту возможную проблему, однако, не означает, что [§§ 131 - 134](#) настоящего Постановления имеют отношение к установлению нарушения [статьи 3](#) Конвенции. Рассмотрение предполагаемых нарушений [пункта 2 статьи 6](#) Конвенции отличается от рассмотрения нарушений [статьи 3](#) Конвенции, и их следует придирчиво отделять.

8. В заключение, соглашаясь с выводом Европейского Суда в данном деле, мы придерживаемся мнения о том, что настоящее Постановление следует понимать с учетом соображений, изложенных выше. Никакая часть этого постановления не может быть понята как умаляющая абсолютный характер [статьи 3](#) Конвенции допуском исключений из этого положения. Существенно, что не должно быть сомнений в том факте, что [статья 3](#) Конвенции нарушается во всех случаях, когда суровость причиненного жестокого обращения достигает уровня суровости, составляющего порог ее применения.

СОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ СИЛВИСА

Содержание подсудимых в металлических клетках в суде во время разбирательства составляет унижающее достоинство обращение в нарушение [статьи 3](#) Конвенции. Я безусловно согласен с Постановлением Европейского Суда. Современные меры безопасности в залах судебных заседаний разрушили старые оправдания использования клетки. Если такое "содержание в клетке" сохраняется, несмотря на отсутствие явной функциональной необходимости, скрытая функция становится тем более явной. Представление подсудимых в клетке символически унижает их и изображает представителями низшей породы по сравнению с обычными людьми. Таким образом, человеческое достоинство составляет суть вопроса, как признает и Европейский Суд.

Хотя я разделяю мнение о том, что это справедливое Постановление по существу, у меня вызывает некоторые затруднения следование всем его формулировкам. У меня вызывает озабоченность то, что мотивировка Европейского Суда может быть понята как принципиально допускающая некоторое возможное оправдание в сфере действия абсолютных прав. Аналогичная озабоченность очень хорошо выражена в

совпадающем особом мнении судей Келлер и Николау. Я бы хотел привлечь внимание к последовательности мотивировки Европейского Суда. Европейский Суд, во-первых, ясно и неудивительно указывает в § 127 настоящего Постановления, что [статья 3](#) Конвенции запрещает в абсолютных выражениях пытку и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, в связи с чем невозможно какое-либо оправдание для любого такого обращения. В § 136 настоящего Постановления Европейский Суд заключает, что минимальный уровень суровости достигнут. В свете этой оценки я нахожу запутывающим указание Европейского Суда в § 137 настоящего Постановления, что использование металлических клеток никогда не может быть оправданным в соответствии со [статьей 3](#) Конвенции. Как это могло быть? Это высказывание либо бесполезно [<1>](#) и потому должно быть опущено, либо иным образом является беспокоящим на этой стадии мотивировки Европейского Суда. [Статья 3](#) Конвенции гарантирует абсолютные права. Имеет ли смысл даже затрагивать возможность оправдания, если мера относится к ее сфере? Пересмотр такой возможности на этой стадии разбирательства, даже если Европейский Суд дает отрицательный ответ, может ослабить понимание концепции абсолютных прав [<2>](#).

[<1>](#) Употребленное автором слово может также переводиться как "недействительное" или "ничтожное" (прим. переводчика).

[<2>](#) См.: Alan Gewirth, "Are There Any Absolute Rights?" (1981) 31 The Philosophical Quarterly; Michael K. Addo and Nicholas Grief, "Does Article 3 of The European Convention on Human Rights Enshrine Absolute Rights?", in European Journal of International Law 9 (1998), 510 - 524; Natasa Mavronicola, "What is an 'absolute right'? Deciphering Absoluteness in the Context of Article 3 of the European Convention on Human Rights", in Human Rights Law Review (30 November 2012); Yukata Arai-Yokoi, "Grading Scale of Degradation: Identifying the Threshold of degrading Treatment under Article 3 ECHR", in Netherlands Quarterly of Human Rights, v. 21/3, 385 - 421, 2003.

Тот факт, что некоторая относительность допускается при оценке серьезности дисфункций в обращении до того, как они признаются относящимися к пределам абсолютного права, это другой вопрос. Это не противоречит концепции абсолютных прав при условии, что оценка осуществляется добросовестно, с учетом основополагающих ценностей. Однако отмечалось, что имеется, казалось бы, тонкий, но новый сдвиг относительно применения принципа пропорциональности и [статьи 3](#) Конвенции [<3>](#). Это заключение можно сделать, поскольку не наблюдается ясной границы между тем, что допускается при оценке, и тем, что не обсуждается после достижения порога [статьи 3](#) Конвенции. Ссылка на формы "неоправданного" жестокого обращения может указывать на участие субъективных процессов в применении [статьи 3](#) Конвенции, выходящих за рамки оценки достаточной суровости для отнесения меры к сфере действия данной [статьи](#). Это может вызывать понятную озабоченность, поскольку создает впечатление, хотя и ошибочное и неумышленное, что некоторые нарушения [статьи 3](#) Конвенции могут быть иногда оправданными.

[<3>](#) См.: Martin Curtice, Advances in psychiatric treatment (2010), v. 16, 199 - 206, doi: 10.1192/apt.bp.109.006825, p. 204, BOX II.

У меня есть еще один повод для размышления. При оценке того, достигнут ли порог жестокого обращения, играют роль субъективные и объективные факторы. При обобщении вывода о том, что содержание подсудимых в металлических клетках перед судом во время процесса является запрещенной формой унижающего достоинства обращения, субъективные факторы становятся менее относимыми для оценки такого нарушения [статьи 3](#) Конвенции. Я приветствую это обобщение, раскрывающее, к каким стандартам следует стремиться. В свете этого понимания я бы приветствовал еще меньшее сосредоточение на том, страдали ли заявители от содержания в клетке в суде. Они могли страдать интенсивно. Но если предположить, что не страдали, будучи одаренными чрезвычайными способностями к адаптации или имея полное отсутствие чувствительности [<1>](#). Составило бы это разницу? Я так не думаю. Содержание обвиняемого в металлической клетке имеет заметное театральное измерение постановки ритуала унижения [<2>](#). Если государство обязано создать условия для справедливого судебного разбирательства, такое унижающее выставление подсудимых перед судом составляет унижающее достоинство обращение в значении [статьи 3](#) Конвенции.

[<1>](#) См. для сравнения Доклад Комиссии по "греческому делу" (жалобы N 3321/67, 3322/67, 3323/67 и 3344/67, доклад Комиссии от 5 ноября 1969 г., Yearbook 12, p. 501): "Из показаний ряда свидетелей следует,

что некоторая грубость обращения с заключенными со стороны полиции и военных властей сносилась большинством заключенных и даже воспринималась как нечто само собой разумеющееся. Такая грубость могла принимать форму шлепков или ударов рукой по голове или лицу. Это подчеркивает тот факт, что граница, до которой заключенные и общество могут воспринимать физическое насилие как не жестокое и не избыточное, различается в разных обществах и даже в их разных секторах".

<2> См.: Hannes Kuch, "The Rituality of Humiliation: Exploring Symbolic Vulnerability", in P. Kaufmann et.al. (eds), Humiliation, Degradation, Dehumanization, Library of Ethics and Applied Philosophy, 24 (Springer 2011), Ch. 4.
